

**БОРИС
СПОРОВ**

**Волжский
роман**

Иван Пророк XX века

Волжский роман

Борис Споров

Иван Пророк XX века

«ВЕЧЕ»

2026

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)

Споров Б. Ф.

Иван Пророк XX века / Б. Ф. Споров — «ВЕЧЕ»,
2026 — (Волжский роман)

ISBN 978-5-4484-5924-5

Что может произойти, если однажды рядовой кандидат физико-математических наук Иван Андреевич Неверов, прозванный еще в младенчестве Дантоном, во время вечерней прогулки по парку нечаянно зацепится за корягу и чертыхнется, а коряга вдруг превратится «в человека, пожилого, сухонького, с подвижными круглыми глазками, с маленьким, почти безгубым ртом, который скрывался под нависшим массивным носом»? Об этом и многом другом читайте в мистическом романе лауреата Патриаршей литературной премии Бориса Спорова (1934—2023). В книгу также включен сборник коротких рассказов.

УДК 821.161.1-311.6

ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-5924-5

© Споров Б. Ф., 2026

© ВЕЧЕ, 2026

Содержание

Иван Пророк XX века[1]	6
1	6
2	8
3	11
4	13
5	15
6	17
7	19
8	20
9	23
10	26
11	28
12	30
13	33
14	36
15	37
16	40
17	42
18	44
19	52
20	54
21	56
22	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Борис Споров

Иван Пророк XX века

© Споров Б. Ф., наследники, 2026

© ООО «Издательство «Вече», 2026

* * *

Иван Пророк XX века¹

1

О далекие славные времена – давно минувшие, но незабвенные! В ту пору еще молодой кандидат наук Иван Неверов жил в однокомнатной квартире многоэтажного дома на окраине новой Москвы. Место было тихое и удобное. За обширным загородным пустырем, поросшим мелким кустарничком, в лиственной жиденькой рощице желтели и розовели роскошные корпуса НИИ – там и процветала деловая жизнь Неверова.

Сам по себе, хотя с юности и в очках, был Иван Неверов привлекательным: рослый и отменно крепкий; крупные, резкие черты волевого лица и окатистые белые зубы; карие глаза, пристальные, но как будто неуловимые; русые волосы, вечно ниспадавшие, скрывали высокий лоб. Ничего не скажешь – уродился молодец.

Знатная пора: впереди будущее – все впереди. Что такое двадцать пять лет, если из этих двадцати пяти извлечь годы на глупое детство, на обязательную школу, на обязательный институт, на обязательную аспирантуру?! Много прожито, но ведь и пройдено много. И совсем не случайно на защите шеф сказал: по кандидатской работе Неверову можно было бы защитить степень доктора физики и математики, но спешить некуда – время терпит. Приятно для слуха, однако сам Неверов считал иначе: и время не терпит, и спешить есть куда. Уже тогда он жил наукой, ощущал в себе ее присутствие, как поэт ощущает звук слова, как наслаждается композитор предтечей гармонии. Уже тогда Неверов не сомневался, что в мире нет ничего невозможного, ничего случайного: мир велик, но и един, малое вмещается в большом, большое – в малом, все бескрайнее внешнее лишь продолжение собственного Я. Уверенный, что в конце концов познает и себя и мир, он был вполне удовлетворен, что оказался мыслящим существом именно в пределах Земли. А если так, то Земля – лаборатория Вселенной, ее познавательный аппарат, мозг.

Любил Неверов кофе, одиночество и ночь. По ночам, когда окраина мирно спала, а дорога вдоль домов освещалась лунным или звездным светом, ходил он и на прогулки...

Неверов шел по гулкому осеннему асфальту.

Мысленно, без напряжения он расщеплял, уплотнял, смецал – и все складывалось, все стыковалось. Еще год, два – и они с шефом потрясут умы. Захватывало дух... И все бы хорошо, но раздражали необъяснимые сомнения.

А завязывалось как будто с мелочей. То сосед этажом выше, летчик, напомнит, что кроме теории есть и практика – жизнь. То вдруг в короткие промежутки отдыха охватит нелепая тоска: не с кем общаться. Попытался Неверов по совету старой профессорши завести кошку, а потом и собаку – ничего не вышло. Мало того что приходилось сутками жить в институте, так и в обычные дни Неверов забывал кормить четвероногих. Требовалось существо, которое само о себе позаботилось бы и в любое время могло быть собеседником. Ему жениться бы, но об этом Неверов не хотел и думать... А непонятные сомнения вновь и вновь являлись и мучили – отвлекали от науки, и даже наука, увы, в такие минуты казалась сомнительной.

Как головную боль переживая приступ неудовлетворенности, Неверов ворчливо выругался:

– Тьфу, черт возьми... хоть провались.

¹ Впервые роман опубликован в журнале «Москва», 2007, № 6, 7.

И не то оступился, не то споткнулся – едва не упал, в то же время почувствовав, как за ногу кто-то схватил, цепко и захватисто. Неверов дернул ногой, отлягиваясь, но тщетно; склонился, прищурился: на асфальте валялась разветвленная коряга. Провел рукой по стволу – гладко, как если бы коряга пролежала полсотни лет в воде или в песках пустыни. Неверов усмехнулся, подхватил корягу на руки, причем ясно уловил посторонний вздох... Прикрыв за собой дверь, он прислонил корягу к стене и сказал:

– Стой.

– Уже стою, – ответила коряга.

Неверов повесил плащ в кладовочку-шкафчик, протер и надел очки и только теперь разглядел свое приобретение. Коряга напоминала вытянутый знак «X» с головой. Неверова поразила именно голова – как отполированный кабачок, какие продают осенью в овощных палатках.

– Ничего, хорош парниша, – подумал вслух Неверов, подхватил корягу за кабачок и поволок в комнату, причем чувствовал, как «парниша» выкручивается из рук. Он стукнул его рядом со столом и повелел: – Живи, чучело.

Повернулся к приготовленной постели, чтобы быстро – и спать, а в спину ему «чучело» проскрипело:

– Уже живу... голову чуть не открутил, дикарь.

2

Обычно просыпался Неверов мгновенно, тотчас, с одной и той же досадной мыслью: «О, этот сон, черт его возьми, можно бы и без глупостей; нет, спи, когда так много еще не сделано, всю жизнь проспий». И он выскакивал из-под одеяла: ополоснуть лицо, перекусить – и в жизнь.

Но на этот раз он просыпался медленно и трудно – не доспал своих привычных пяти часов. Полусонное сознание сверлило чувство, что в квартире посторонний. Вот это мыслимое присутствие и неволило, поднимало раньше времени. Он противился, натягивал на голову одеяло, но увы. Наконец Неверов открыл глаза.

– К-хым, – недоуменно хмыкнул он, вытягивая шею.

Коряга за столом шумно хлебала кофе – крутой запах выдавал содержимое чашки.

– Эй ты, пенек, – без объяснений обратился Неверов. – Ты что это за письменный стол уселся, можно бы и на кухне?!

«Пенек» помалкивал. Видно было, как его шишковатый полированный затылок подрагивает. Однако уже тотчас «пенек» юрко повернулся к Неверову и, выдержав гримасу, поволок укоризненно:

– Образованный товарищ, кандидат наук, Дантон Андреевич, а этики ни на рупь... Ну что это такое? Даже не познакомились, а уже «чучело», «коряга», «пенек», Бабой-ягой осталось, так сказать, для определения географической принадлежности...

– Ну-ну, чурка... выкину с балкона. – Неверов зевнул, потряс головой и, шлепая домашними туфлями, побрел в ванную. Только там после холодной воды он окончательно проснулся. Энергично полотенцем растерев лицо, на ходу надевая очки, уже из двери он спросил: – Послушай, чурак, а откуда бы тебе знать, что мое первоначальное имя – Дантон?

– Я все знаю, – огрызнулся «чурак». – Садитесь пить кофе... жрите бутерброды! Устраивает такой сленг? Если нет, я почище могу... – В волнении, хлебнув горячего кофе, «чурак» затряс кабачком. Неверов засмеялся; он подволок к столу тяжелое старое кресло и предложил учтиво:

– Мой господин, а не пересесть ли вам сюда – мягче, солиднее?

«Господин» умильно прикрыл глазки и улыбнулся:

– Вот ведь, сразу и «мой господин». Пожурить нельзя... А вообще у меня, как, впрочем, и у всякого цивилизованного гражданина, водится застарелый геморрой, посему я предпочитаю жесткую или полужесткую мебель – для сидения, но если вам, Дантон Андреевич, угодно, я тотчас. – И он прямо-таки катапультировал из стула в кресло.

«Забавный малый... мешать ведь будет, стервец», – лишь подумал Неверов, как «стервец» уже ворчливо ответил:

– Не буду, не буду мешать, не буду.

– Ну, если так, – Неверов улыбнулся и склонил признательно голову, – то, действительно, пора знакомиться.

– И я тоже думаю так, – чинно согласился «стервец».

– Иван Андреевич Неверов, кандидат физико-математических наук. Дантоном оставался всего полгода по рождению, то есть до тех пор, как моя родительница не раскрыла происки моего покойного родителя, который поклонялся не только дорогам и мостам, но и всем бунтам, переворотам и революциям, поэтому и обозвал меня Дантоном; второго сына надеялся назвать Робеспьером, но, увы, не успел...

Согласно и одобрительно кивая кабачком, собеседник вздыхал и причмокивал губами:

– Да, да, я знал вашего родителя, вашего папеньку. Хороший был товарищ, хороший человек. И Дантон – отменное имечко... Иван, впрочем, даже удобнее: Ваня, Иван, Ива-

нушка... Иван Андреевич. – Он улыбнулся. – Ладно хоть не Крылов. А ведь солидный человек был, сын Северной Пальмиры, современник Новикова и Радищева, а уподоблялся французикам – зубоскалам-лягушатникам. – «Стервец» добродушно откинулся в кресле. – Хотя, признаться, кроме Красивого, Наполеошки и Голля – эти позор нации, позор! – и среди французов были личности – и Дантон, а Жанна, Жанна!.. Ах, воспоминания, ах, этот старческий грех... Значит, как меня зовут, спрашиваете?

Неверов не спрашивал, он с любопытством наблюдал собеседника, все больше и больше признавая в ночной коряге человека, пожилого, сухонького, с подвижными круглыми глазами, с маленьким, почти безгубым ртом, который скрывался под нависшим массивным носом. «Вот это носик, как у филина», – подумал он.

– Ах да, как же меня зовут, действительно? – и оживился, заерзал в просторном кресле, пружинисто закинул ногу на ногу, потер гладкие отполированные ладошки, хмыкнул и на мгновение сосредоточился. – Как же, как, а? Ибн-Урбан-Давид... Нет, нет, – и ручкой запомахивал кокетливо, – так не годится, так уже было. А вот так не было: Харя-Асир-Марлен. – И звонко засмеялся. – Ну как?! Трудоемко, Иван Андреевич, не так ли? Но двадцатый век жутко любит ускорения, превращения, сокращения и прочие усеконовения... Желаете, подброшу анекдотец? Приехал деревенщина (позорный пережиток царизма!) к нам в столицу. Остановился перед дверью и расшифровывает: «В – Всесоюзный, Х – Хозяйственный, О – Отдел. Ды... ды... ды?...» – споткнулся. Шел современный мальчик, спрашивает: «Дядек, что дыкаешь?» – «Да никак не разложу», – отвечает. – «Нечего раскладывать – элементарно написано: «ВХОД». – Оба засмеялись. – Так вот и вы, Иван Андреевич, меня по начальным, то есть – ХАМ. Отличненько! Хам! Я действительно – Хам! А иногда я и хохмочки обожаю... О, не волнуйтесь, мой академик, только в часы отдыха. Работа – главное, работа прежде всего, во время работы не до хохмочек. Наука – о! Наука – это все, если она с умом! Наука – ух! Но сегодня спешить вам некуда, сегодня суббота, а по субботам – ни-ни, законодательство предусматривало и субботу. Это шеф... – теоретик пахучий не признает суббот, а мы – о!

Глаза Неверова так и выкатились, язык мгновенно пересох: Хам назвал шефа по имени и отчеству и даже присовокупил фамилию – и это при первой категории секретности.

– Вы что... вы и его знаете?

– А как же, как же, – жеманно бормотал Хам, – знаю, знаю... занудный теоретик.

– Ну-ну, – настороженно предупредил Неверов. – Не то по кабачку врежу.

Хам подобострастно улыбнулся, как бы защищаясь, выставил вперед узенькую ладошку:

– Нет, нет, вовсе ничего пахан, стар, скоро того... а так ничего, неприсоединившийся.

В это время выше, за потолком взревел дерзкий летчик:

– Убью, вы-ыдра! Мы-мыло сварю!

– Шутничок, однако, мы-мылый, – подмигнув, Хам веселенько кивнул в потолок.

– С ума когда-нибудь сведет этот мылый, – со вздохом признался Неверов. Хам так и встрепенулся.

– Все будет сделано, мой академик. Уже не извольте волноваться. – Он так и пронзил Неверова сверлящими глазками и произнес как заклинание или заговор: – Все будет в законе, мы уже понимаем друг друга, мы – необходимы друг другу. Вы будете жить под моей эгидой: надежно, прочно, прогрессивно. Мы заключаем союз «Теопрак». – И вновь Хам перешел на игривый тон: – Этот, понимаете ли, летунчик, – он ткнул большим пальцем вверх, – в первой молодости перегнул сифилисом, а теперь бесплоден, а по незнанию обвиняет свою молодуху... Вот что, – Хам хлопнул в ладоши и потянулся к телефону так, что было ясно – просит услужить, пододвинуть аппарат. – Мы этого друга отправим на полгода к товарищу... короче, полечим от алкоголя – любого из них от алкоголя лечить можно, столетие даром не прошло. А за это время его молодуха пойдет на поправку. Вот и счастливы будут. Отличненько! – И Хам с

остервенением, точно вонзая остренький полированный пальчик в гнездышки, начал вращать номерной диск телефона...

Неверов, уже задумчивый, вышел на кухню, а Хам, поигрывая голосом, покашливая и усмехаясь, то и дело перекидывая одну ногу на другую, вопил в трубку:

– Король, Король, мой милый Король! Я от Дантона. Забери ты этого затруханного алкаша! Да нет, не Дантона, а над – летунчика, пилотика. Ну да, мешает, пьет, бабу бьет, шумит... Ради науки – увези. А мой академик объяснит ей теорему Безу... Хи-хи-хе, – радостно повизгивал Хам. – Адресок? Улица Альберта, ну да, Эйнштейна, дом 44-бланш, квартирка над нами. А кто над нами вверх ногами, – пропел Хам. – Квартирка 13, хорошая цифирка... И чтобы до обеда, – коротко и строго заключил Хам.

К тому времени Неверов сел работать, и Хам тихо положил трубку, тихо собрал посуду со стола, понес на кухню с тихим ворчаньем:

– Дуреху заставить хоть посуду мыть, не мне же этим заниматься.

Вполне довольный собой, Хам мирно отдыхал на диване, когда в квартире 13 уже завязалась приглушенная возня. Летун пьяно возмущался, его женушка беспомощно всхлипывала, а залетный мужской голос внушительно ворковал:

– Не волнуйтесь, товарищ, не волнуйтесь, гражданочка. Медицинское освидетельствование – ни больше ни меньше... Вот вам, прошу, милая, документик под круглой, под гербовой, значит, печатью – под гербовой! – там и адресочек... Товарищ, товарищ, вы же советский гражданин, прошу не сопротивляться, иначе я велю применить силу, силу закона...

«Ах, Король, какая оперативность! Наверно, погоняли машину с сиренкой. Ах, Король, умница Король!» – восхищенно соображал Хам, под нос себе мурлыча песенку:

– Ах, Лондон-папа, Одесса-мама и теща дерзкая – Москва...

3

– Послушай, Хам, – как-то вечером, досадно морщась, обратился Неверов. – Может, мне жениться? Ведь и так бывает... Плакала, говорит, что у нее «того». – И Неверов нелепо провел ладонью вниз от солнечного сплетения.

Хам, визгнув, так и подскочил на стуле.

– Что за детство! Что за ребячество! За что, за что на мою голову контузии!.. Как говорил наш уважаемый Самуил Кант – блеф! Во-первых, Катька в законном гражданском браке, а законы обязывают, не то и под суд можно. Во-вторых, какая женитьба! Работать надо, думать надо, а не жениться! В-третьих, нюнит она от счастья, радуется, что у нее «того», это самое. Пусть уже и радуется, пусть гордится – ей, дуре, повезло. – Хам замолчал, хмыкнул, но тотчас взорвался с новой силой: – Если мешает, я ее буду гнать, гнать, гнать! Но, простите, не заниматься же мне этими фартучными делишками! Я и рожден под пентаграммой ученого секретаря! – Хам сорвал с себя в кружевной оторочке фартук, скомкал, хлопнул его на стул и яростно заколотил тяжелой ложкой по трубе центрального отопления. – Катька, стерва! Спускайся, приказываю! – взвыл он. Хам дурачился, Неверов понимал это, но усмехался невесело.

Третий месяц Катя из тринадцатой ежедневно, а нередко и еженощно оказывалась в квартире Неверова. Как столкнулся с ней Хам – не известно, но Катя появилась в квартире в тот же день, когда увезли ее летуна. Сначала Неверов и не замечал ее, однако неделю спустя в его пропыленной квартире стало легче дышать – пыль исчезла, а запах кофе перемешался с нежным запахом духов. Заметил. Но и Хам, и Катя ухитрились никогда не мешать, не быть в тягость.

– Да мы с Катькой ангелы! – балаганно восторгался Хам и непременно пощипывал Катю за бочок. Катя смущенно краснела и взглядом просила у Неверова защиты...

Когда Неверов впервые при свете ночника пристально смотрел в ее лицо, восхищаясь правильностью пропорций, Хам, кряхтя, укладывался спать на кухонном столе – он ворчал:

– О, хамство, на какие жертвы приходится идти ради науки. А кто оценит, кто оценит такое самопожертвование... Хам на кухонном столе, а Катька, стерва, на мягком диване с будущим академиком...

«Ах, Катя, Катя... Какое имя! Если бы я был астрономом, то вновь открытую звезду назвал бы – «Катя»... Шеф волнуется, он всегда так, когда близится завершение... Странно, почему у нее всегда влажные губы? Температура меняется – то холодные, то горячие, но всегда влажные. Катя, Катя. Что бы такое придумать, чтобы она была счастливой?.. К черту всех! Они мешают – к черту!» – примерно так – сумбурно – всю первую неделю думал Неверов. Новая область втиснулась между математикой и физикой и не давала покоя, требовала определения.

Однако вскоре он вновь перестал замечать Катю – она обрела свойство вещи, предмета: как кофейная чашка – вспоминается, когда время пить кофе. Но когда у нее открылось «того», Неверов вновь думал о ней. Смутно тревожили слезы, потому что он не мог объяснить их.

Послышались шаги, стукнула дверь, вошла Катя. В темно-синем платье с белым жабо, на ногах темно-синие домашние туфли «а-ля пудель». Лишь на мгновенье она задержалась в дверях, смущенно улыбнулась, но уже тотчас ринулась на Хама:

– Ты что, пластмассовый, как в набат барабанишь! Ты что глотку дерешь на весь дом! – И Катя ладошкой шлепнула его по кабачку. Хам самодовольно шмыгнул вечным насморком и, видя, что сбоку на платье застежка-молния не застегнута, визгнул от восторга:

– Что, Катька, уже не сходится?! То ли будет месяца через четыре!

Катя смутилась, опустила взгляд.

– Не твоего ума дело, вот. Что будет, то и будет, – беспомощно защитилась она. А Хам так и захлебнулся:

– Катька, дело-то это в аккурат и моего ума, а уж остальное, пардон, не моего! – Он корчил рожу, подмигивал в сторону Неверова. А Неверов вдруг нахмурился.

– Прекрати. Пошел вон!

– Уже, уже пошел, уже пошел, мой академик, уже, – пятясь, угодливо пробормотал Хам и смылся на кухню.

4

Работалось день ото дня легче, мыслилось глубже. Дома порядок и никакой заботы: вовремя дымился кофе, шипели завтраки и ужины; обедал Неверов обычно в институте или вовсе не обедал. Во всю стену встали стеллажи, книги с пола, с подоконника и со стола выстроились по полкам. Так, по определению Хама, создавался мини-уют. В знак благодарности Неверов купил Хаму стального цвета с синей ниткой костюм-тройку и великолепные на мягком ходу туфли. Хам был тронут, но категорически потребовал галстук-бабочку и ермолку.

– Да, да, ермолку бархатную, голубую...

Механически перелистывая новую публикацию шефа, Неверов согласился с ермолкой и спросил:

– А что это у тебя за шрамы на ноге? Да и прихрамываешь ты чуток. Воевал?

Хам кашлянул в кулачок:

– Нет, мой академик, я не воюю, хотя правильнее – я постоянно воюю, потому что жизнь – это борьба... А шрамы, о, шрамы! Вот когда я убедился, что и гении не все гениальны. Вы, мой академик, тотчас поняли, что моя миссия, моя эгида – благо, без меня жизнь обретает суету.

– Да, да, – рассеянно согласился Неверов, – без тебя будет хуже, ты как промежуточная функция...

– И не только, ведь наша обоюдная деятельность только начинается, – ввернул Хам. – Так вот, решил я как-то поспособствовать одному небездарному юноше. А он и окажись психом, чухнутым. (Десять лет безрезультатно лечат!) Идиот, одним емким словом. Хлопал, хлопал он на меня своими гениальными зенками, да и взвыл: «Иуда!» Схватил топорик да хрясь по копыту, по ноге, значит. Его в больницу, меня – в музей. Очнулся от адской боли – это мне уже клеймо с инвентарным номером на ногу всобачивают. Пришлось терпеть. Ладно не на лоб... Что дальше? О, дальше! Дальше я воздавал по заслугам. Они запомнят 23107425 – мой инвентарный номер! – Хам победно запосверкивал глазками. Он аккуратно размял сигарету с фильтром, на огне газовой зажигалки прокалил фильтр, прикурил и тотчас пустил цепочку бисерных колец. – В первую ночь моей музейной жизни я определил, что к чему, во вторую ночь определил, что куда, третьей ночью позвонил за пределы – причем звонил из ученого кабинета, которым заведовал Растяпин, великолепная кликуха! – и попросил транспорт. Короче, организовал великолепную вывозку – ну, кое-какие иконки с окладами, кое-что из раскопок, из чеканного золотого – на миллионы международных пяточков. Но это так, ради проучения, – морщась, заключил Хам.

– Угу, следовательно, ты жулик, – определил Неверов. – Я сдам тебя не в музей, а куда следует.

– Нет, я не жулик, я – эгида. А если сдашь меня куда следует, я накажу и тех как следует. Вывезу, ну, хотя бы архивы. Ловко! – Хам подмигнул лукаво.

– А если тебя до этого к стенке: пих-пах!

– Ничего не получится – пытались! Я – вечный... А то и проще: пожалуюсь в ООН – в комитет по правам человека. Вот так, Иван Андреевич.

– Тебя не переговоришь, ты все хода и выходы знаешь, – невнятно ответил Неверов, погружаясь в чтение.

– Это точно, – согласился Хам. – Я все знаю, но не все могу. Хотя иногда мне кажется – точнее: я все могу, но ничего не знаю. Я, знаете ли, дифференциатор, все знаю, но лишь от готового единого целого. Целое, к примеру, выдумываете вы, мой академик, а уж дифференцирование я организую отличненько. Так сказать, причина ваша, следствие – наше.

– Все шутки молотишь, – Неверов отвлекся и тоже закурил.

– Какие шуточки, Иван Андреевич, не до шуточек, – возразил Хам и на какое-то время оцепенел, задумался: лицо его стерлось, сгладилось, и голос зазвучал сглаженно, без эмоций: – Да, мой академик, дела у нас затеваются большие...

– Не пойму, с какой стати ты всю меня кроешь академиком?!

– Ах, не лукавьте, не надо, Иван Андреевич. – Хам небрежно усмехнулся. – Или вы сомневались хоть однажды в своем академическом будущем? Если вы ответите «да», то это будет сознательной ложью... И, знаете, при рациональном расчете через пять-шесть лет вы, мой мальчик, – академик.

– До тридцати пяти?!

– Бесспорно... Кстати, чуточку пофантазируем. Итак, ваш милый кумир-теоретик болен. Заболел старикашка, заболел, м-да. Он скоро того, на жертвенник... Ну-ну, без амбиций, Иван Андреевич, я же сказал – пофантазируем. Да и все вы там будете в свое время, дело естественное. Только одному ясно, когда он туда, а другому до конца – не ясно. Старичку ясно, старичок ваш того, через полгода под фанфары, как говорят шутнички – в иное измерение... Ведь я же сказал, Иван Андреевич, – довольно строго повторил Хам. – Не каждый же день я в откровении. Лучше выслушать, а потом сожалеть, чем сожалеть, что не выслушал. Так вот. – Хам резко изменил интонацию, вновь шуточки, смешочки. – О, мой академик, через скорое время вы возглавите работу лаборатории, а ведь лаборатория – сердце института. А кому еще? Некому... Тогда уже, видимо, и предложат новую тему – заказ государственной важности, а я бы сказал, мировой важности... О, в этом заказе двадцать званий академиков, сотни премий и орденов, ну и степеней, естественно, не меньше. Короче, как говорили ваши древние: овчинка выделки стоит... В лаборатории будет тесновато, и здесь, – Хам обвел указательным пальчиком комнату и подмигнул, – тоже будет тесновато. Нам надобно перебраться, да и этот летунчик скоро заявится, мешать-то он не осмелится, но харю евожную созерцать невелико удовольствие. Так вот, мой академик, в ближайшее время надо бы перебраться поближе к центру, к Академии... Займем, ну, хотя бы небольшой этажик графского особняка. Имеем право? Имеем, для того и революции вершили, чтобы пользоваться приватизированным. Итак, этим займусь я. – Хам хмыкнул, закатил глазки под потолок. – Катька, стерва, не греми каблуками, не сигнал! Брюхатая, ног не видит, а туда же!.. – И он снисходительно постучал ложечкой по радиатору. – Пусть потешится, скоро ее грешная жизнь войдет в постоянство, да и мы скоро, как говорят молодые, отвалим из этой одиночки... И кончится мое жертвоприношение! Приобрету широченную тахту, обставлю кабинет, буду устраивать приемы! Эх!..

Теперь уже Неверов искренне смеялся – фантазер! Но из головы не выходила тревога – предсказание о шефе.

5

На рейсовый служебный автобус Неверов опоздал: желто-красный пазик вынырнул из-за угла корпуса и весело заурчал по асфальту, ровно рассекающему заснеженный пустырь.

Такси не было, и Неверов отправился пешком: невелико расстояние – четыре километра, да и портфель пустой. По морозцу идти легко: солнце и ветерок в спину, так что уже вскоре он ощутил прилив животворящей энергии, как в детстве, когда всем классом, случалось, выходили на лыжные прогулки. Некоторое время он даже наслаждался упругостью своего шага, а в душе бесформенно вязалась неосознанная мелодия.

Вот в такие минуты Неверов, действительно, верил в свое будущее, не сомневаясь верил, что быть ему академиком, да и не просто академиком, а с именем. В такие минуты он не видел впереди непосильных задач: наука лежала перед ним покорно, как заснеженный пустырь. Виделось до бескрайности ясно, и вся трудность заключалась лишь в том, что «пустырь» этот, пространство это надобно пересечь, преодолеть, выбрав путь наиболее рациональный: пройти, проставить за собой вехи, чтобы затем чернорабочие в науке мостили бы по ним дорогу для общего пользования. Все ясно, лишь необходимая затрата сил и времени.

Теперь, когда все продумано и определено, когда и путь мысленно преодолен, какие могут быть сомнения – сомнений нет, сомнения – за пределами научного. Там – хаос. С кем-то надо соглашаться, кому-то уступать, от кого-то требовать, перед кем-то оставаться зависимым. Но эти «кто-то» и «кого-то» не более чем призраки, тени других измерений. Даже шеф не раз печалился: «Ах, Ваня, если бы не все остальное». Но сравниться ли с шефом?! Шеф все знает... «А, к черту, – весело отмахнулся Неверов, – есть у меня лаборатория, а остальное – к черту... Э, врешь, – тотчас возразил он себе, – это пока под шефом. Можно улизнуть, отговориться, сослаться – шеф поворчит, да и только... Вот если бы нажал клавишу – дома порядок, нажал другую – отметился на всех собраниях, на третью – все остальное», – мечтательно подумал Неверов; и в сознании уже шлохнулись фантастические планы, когда он скорее почувствовал, нежели услышал воркующее дыхание машины. Рядом вздрагивала бежевого цвета «Волга». Бывало, шеф и сам садился за руль, но последние годы машину водит Таричан. Неверов думал, что это армянская фамилия – Таричян, но оказалось – имя, а сам Таричан – русский по национальности.

Шофер открыл заднюю дверцу: там, старчески нахохлившись, сидел шеф. Он не ото-звался на «доброе утро» и даже не кивнул в ответ. А когда машина побежала дальше по асфальту, не меняя нахохленной позы, он уныло сказал:

– Вы знаете, Ваня, вчера вечером, удивительно, я плакал. – Он помолчал, продолжая шевелить губами. – У музыки начало космическое, я давно об этом догадывался. Музыка – тоже открытие, на уровне элементарных частиц. – Он сокрушенно вздохнул и как бы подвел итог: – Это, пожалуй, мое последнее открытие.

Неверов сидел на краешке бочком, с недоумением поглядывал на шефа. Он даже заметил, как по сизой его щеке скатилась слеза и упала в брововый воротник. Тряхнув головой, шеф усмехнулся:

– А знаете, Ваня, случилось так: всю жизнь я слушал и, казалось, понимал лишь органную музыку. Я и теперь убежден, что Бах – композитор космоса. Да, когда-то я специально ездил в буржуазную Прибалтику слушать орган, и когда я слушал орган, я бродил по космосу, ну, как по своему институту... А тут, видите ль, Ваня, какая модель: поет этот... Шаляпин песенку, и слова-то на манер «тыры-пыры», а я плачу. И песенка, нет, не пошлая, так, простенькая – «Не велят Маше за реченьку ходить». – Шеф беззвучно засмеялся: – Ну, не велят – и ладно, а у меня слезы и спазм в горле... М-да, а ведь при помощи лучевого анализа и это явление объяснить можно. Вот как. – Шеф вздохнул глубоко, нахохлился, замолчал.

Таричан остановил машину перед глухими воротами, оглянулся, без слов спрашивая: что дальше? Шеф не шелохнулся, и тогда Таричан посигналил, чтобы отворили ворота и въехать на территорию. По-генеральски степенно из проходной вышел охранник, он заглянул в машину, пожелал доброго утра. С надсадным урчаньем звенья ворот расползлись в стороны, предлагая машине въехать.

Странное поведение шефа Неверов объяснял его болезненным состоянием. Десять дней врач удерживал его дома, придумывал различные процедуры, режимы, лишь бы не выпустить. Естественно, на старика обрушилась хандра. Однако и в лаборатории он повел себя не менее странно: вдруг распорядился, чтобы кто-нибудь из сотрудников тотчас привез в лабораторию грамзапись с песней «Не велят Маше за реченьку ходить».

– Это, знаете ли, важно прочувствовать, для науки важно, – смущенно пояснил он и тотчас увел Неверова к себе в кабинет. С недоумением проводили коллеги учителя и ученика.

Весь день они не выходили из кабинета.

6

Неверов достал из кармана ключ, прицелился вложить его в личину, когда вдруг понял, что в квартире кто-то с кем-то говорит. Прислушался:

– Ты мой ученик. Ты моя надежда. Да, ты – это я, а я – распадаюсь, моя энергия исчерпана... Меня долго и нудно будут лечить, а может быть... недолго. Вот и уговорил неделю отсрочки. – Послышались шаги с пошаркиванием – шефа, и вновь: – Ты возглавишь лабораторию, да, да, и пусть тебя не смущает, что ты пока без степеней и званий. Закончите тему, тогда ни выберешь время защититься.

Собеседник кашлянул.

– До вашего возвращения... без вас мы не завершим.

– Ну, тогда ждите второго пришествия, – ворчливо ответил шеф, и снова шаги.

Неверов спохватился: нехорошо подслушивать. Он было отстранился от двери, но тотчас недоуменно хмыкнул:

– Так ведь это я, я с шефом. Сейчас он будет о новой теме.

Неверов торопливо отпер дверь: Хам возился на кухне, в комнате на рабочем столе вещал магнитофон. Неверов стремительно прошел в комнату, убавил громкость и осторожно присел на край стула...

– Я начинал с нуля, ты начнешь с того, на чем я остановлюсь, то есть с моей вершины, поэтому тебе труднее. Тем более помни главное: ученый не должен закрывать глаза на то, *что* он делает. Ученый должен быть уверенным, что его открытия несут благо, раскрепощают человечество и не подавляют духа... Есть и будут приказы, есть и будут обольстительные перспективы, но ты должен через все это перешагивать, иначе исчезнет право быть свободным ученым... Ученому сложно сохранять свободу, но минимум ее – необходим... Мне пришлось выдержать бой – по новой теме, я сумел его выиграть, и это моя последняя победа... Да, последняя. Тебе будет труднее... Я ведь стар, с меня и взятки гладки, а ты так молод, тебя... Ты не сломишься, только помни: *не открывать и не создавать того, что может выйти из-под контроля*. Если открыть закон, а затем дать его практическую модель – модель эта может уже существовать сама по себе, подчиняя все, в том числе и создателя... Новая тема...

– Продолжение на другой дорожке, – спокойненько подсказал Хам. Неверов вздрогнул, от гнева побледнел:

– А знаете, любезный, если я буду рубить, то буду рубить напрочь, а начну с башки! Что это?! – выкрикнул он.

Хам кисло сморщился, подергал себя за нос, издал неопределенный хрюкающий звук и через подлокотник полез в кресло.

– Вот вы, Иван Андреевич, уже и изволите сердиться, уже и с угрозами по вопросу так называемой рубекции. Что это? Ясно – магнитозапись. Ах, пленительная молодость... – Наконец он угнездился в кресле. – А ведь надо прежде всего из всего извлекать урок. Разобраться, рассудить, а потом и о рубекции по мере надобности и выяснения обстоятельств толковать. – Он закурил, сунул большой палец левой руки за жилетку, закинул ножку на ножку и продолжил все так же невозмутимо: – Во-первых, Иван Андреевич, вы можете в домашних условиях все это прослушать, так сказать, проанализировать. Во-вторых, Иван Андреевич, вам следует – и это главное! – усвоить раз и навсегда, то есть навеки: все, что говорит даже руководитель лаборатории, говорит он для общего достояния, то есть – прослушивания... Ваш теоретический старичок формировался во времена Плеханова, привык говорить вслух, полагая, что надежно огражден стенами и двойной дверью... И уверяю, если бы он уже не стоял одной ногой на жертвеннике, за продолжение беседы – сейчас послушаем – за все, что касается новой темы,

за это ему не простили бы. Теперь же – все равно: смена поколений. А успешная разработка темы будет зависеть от вас, мой академик...

Хам юркнул из кресла, ласково из-за спины положил руки на плечи Неверова, предлагая раздеться. Неверов механически стряхнул пальто, передал Хаму шапку и шарф, а сам, точно оглушенный, сел на стул... Какой-то сумбур, суррогатные идеи мутили разум. И вдруг простая мысль взбудрила как холодной водой: «Черт возьми, да ведь Хам и есть то существо, которое избавит от тысячи забот, от всего прочего». И Неверов весело засмеялся. А Хам в это время сосредоточенно вкатывал в комнату аккуратненький пластиковый столик на колесиках. Он вкатил его между стулом и креслом, артистически взметнул с него белую салфетку – и визгнул, и затрясся от восторга: и ужин, и кофе – на столике.

– Великолепно! Ай да я, ай да Хамчик! – воскликнул он, но уже тотчас, закатывая глазки, пояснил: – Первое мое приобретение... О, то ли еще будет, мой академик!

В этот вечер Хам выдвинул программу практической деятельности. Он был особенно возбужден, базарил, радостно хихикал и все подливал и подливал в чашечки с кофе коньяк.

– Все отличненько, мой академик! Скоро старичок шлепнется в больничку, откуда, увы, уже сам не выйдет. Начинается новая эра, новая глава в биографии моего академика. Имя твое будет высечено на золоте! И не вздумай глупить, малыш, от заказа не отвертеться. Это я говорю – Хам! А Хам еще не ошибался. Ух, под какой ты надежной эгидой! Уже через год мы отпразднуем первую совместную победу. Пусть они все сдохнут! Ура! – пронзительно вскрикнул Хам и выпил коньяк без кофе.

Затем он подробно изложил план грядущего сценария жизни, он так и сказал: *грядущего сценария жизни.*

7

Все складывалось так, как и предопределял Хам: шеф не вышел из больницы, его вынесли. После панихиды, которая, кстати, смутила многих из коллег – в том числе и Неверова, – после отпевания в Троицкой церкви бывшего шефа, а теперь уже открыто – Владимира Ивановича Скобелева-Волобуева – задвинули в катафалк и повезли на жертвенник – в крематорий. Но это обстоятельство уже никого не смутило – в том числе и Неверова. Прямой и напряженный, как будто чуточку торжественный, Неверов собственными руками провожал уже не увитого цветами и лентами учителя в жерло печи. Жертва была принята равнодушно. Неверов, с позволения отодвинув крышечку глазка, успел захватить момент, когда бездушное тело Скобелева-Волобуева напряглось, содрогнулось и было поднялось из гроба, но в то же время воссияло голубовато-белым пламенем и осело, испепелилось. Еще какое-то время Неверов не мог оторваться от глазка, непроизвольно вычисляя количество энергии, выделенное телом при сгорании...

* * *

Неверов возглавил работу лаборатории. Как человек одаренный до гениальности, он не был тщеславным и готов был всю жизнь оставаться рядовым научным сотрудником, лишь бы не подчиняться.

– Ты можешь чтить всех их как святых, – сказал свое слово Хам, – можешь любого подбодрить и обласкать, но в душе своей смотри на подчиненных как на низшую тварь, как на плевелы, как на касту, недостойную тебя, как на материал, выжимая из которого все ты призван вершить великие дела. Только тогда они будут тебя ценить как бога...

Общие вопросы Хам взял в свои руки. Чаще и чаще он бывал озабоченным, а на ежеутренней домашней пятиминутке после кофе Хам выкладывал прямо-таки программу на предстоящий рабочий день: тому сказать то, тому-то намекнуть на это, а с того-то не требовать, но лишь поинтересоваться результатами последних расчетов и т. д. Он доходил до таких тщательных деталей, что однажды – да, да! – заставил Неверова улыбаться перед зеркалом самому себе: учись улыбаться. Дело в том, что в лабораторию пришли две довольно-таки капризных докторши. Хам заикался, возмущался, тарачил свои окуневенькие глазки, удивляясь тому, что Неверов никак не уяснит, что от этих двух особ будет зависеть многое.

– Эти две дуры должны быть наши, я их знаю, у них связи! – запальчиво восклицал он. – Они необходимы на время! Для приобретения требуется всего лишь хотя бы случайная улыбка. Не замечай, но – улыбнись! Голову чуть склони, голову. Вот так! – И Хам клонил на плечико кабачок, растягивая свой безгубый ротик в искусственной улыбке. Неверов неумело кривлялся перед зеркалом. Дело подвигалось с трудом. Но зато когда очередной урок был усвоен и Неверов – теперь уже шеф – одарил докторш улыбками – о! – он понял, какая сила сокрыта в этом дурацком растягивании рта!

Когда же Хам прослушивал записи с патетическими восклицаниями докторш по поводу «изумительного Ивана Андреевича», он яростно потирал полированные ладони, подскакивал в кресле, радостно повизгивая:

– Наши, наши дуры, наши!

8

Не минуло и года с тех пор, как Неверов с Хамом скрепили союз «Теопрак» – «Теория и Практика», а Неверов уже настолько привык к опеке, что и представить бы теперь не смог практической жизни без Хама. Да и то сказать, жилось ему как за каменной стеной.

Так решился квартирный вопрос.

Неверов даже и представить не мог, по какому такому особому праву может он сменить свою заветную однокомнатную на особняк. Не было желания ни думать об этом, ни говорить. Однако Хам и не заводил разговора. Удлинив телефонный шнур, так что аппарат можно было утаскивать в ванную или на кухню, он часами напролет яростно названивал в разные концы столицы. То оскорбительно косноязычил и гунявил, то присюсюкивал и похихикивал, то развязно балаганил, и тогда казалось, что в ванной или на кухне он приятельски похлопывает кого-то по плечу. Но нередко голос его звучал металлически грозно, слова вырывались как свинец из дула пистолета – он приказывал, угрожал, после чего всякий раз шумно сопел, шмыгал вечным насморком, выслушивая, видимо, доклады и оправдания.

Но как бы то ни было, а однажды, когда Неверов уже оделся на службу, Хам, манерно хмурясь, сказал:

– Все нервы испортили – дикари; но я до них доберусь, грядет и на них судный день. – Тотчас он чему-то ухмыльнулся и, кротко клоня кабачок, спросил: – Мой академик, нет ли в ваших бумагах и книгах, исключая то, что находится в столе под замком, нет ли чего такого, к чему мне и – тем более! – посторонним прикасаться строго запрещено?.. В чем дело? Ах, дело пустяшное, но может так случиться, что придется срочно съезжать из этого угла. Ну, стол рабочий я беру под личную ответственность, его переправят так, что ни одна пылинка не колыхнется. А остальное?

Не принимая все это всерьез, Неверов ответил:

– Ах, Хам, Хам, все остальное и даже не остальное вот здесь, – при этом он постучал согнутым пальцем по Хамову затылку, – и там. – Он указал через окно в сторону института. – Ведь ты знаешь, что даже в столе под замком – только мое личное.

– Вот и отличненько, вот и прекрасненько, – залезбил Хам, вытанцовывая вокруг Неверова, щеточкой смахивая пылинки с пальто.

А спустя неделю в первой половине дня Хам позвонил в институт – впервые:

– Простите, Иван Андреевич, говорит ваш покорный слуга. Вынужден побеспокоить, будьте любезны и выслушайте...

– Ну, ну, в чем дело? – раздраженно прервал Неверов, он только что возвратился от начальства и был не в духе.

– Иван Андреевич, – кротко доложил Хам, – возьмите бумажечку, карандашик и запишите, так сказать, новые координаты.

– Какие, к черту, координаты! – возмутился Неверов, хотя уже взял ручку и пододвинул лист бумаги.

– Мы переехали, – все так же кротко известил Хам, а так как Неверов, видимо, оглушенный новостью, молчал, он продолжил известие: – Как и предполагалось: улица Толстого, дом 144 г, второй этаж. Ваш служебный пазик останавливается в сотне шагов от подъезда – здесь его конечная остановка. Самостоятельно удобнее от Эйнштейна на маршрутке... Да, да, да, так, так, так, – подтвердил любезно Хам и положил трубку. А Неверов, бросив перо, весело засмеялся, засмеялся необыкновенно раскатисто, весело как никогда. Даже закурив и успокоившись, он сквозь смех восклицал:

– Ну и сволочь, ну и Хамло! Вот так эгида!

* * *

То ли его смутила столь неожиданная перемена местожительства, то ли смутили какие-то другие обстоятельства, но так или иначе – Неверов смутился. Он вышел из автобуса, как обычно, на окраине города. Покрутился в районе знакомых магазинов и в конце концов сел в маршрутное такси, решив тотчас и практически освоить дорогу. Пока шофер выдерживал график, а тесный салон маршрутки заполнялся пассажирами, Неверов, притулившись в дальнем уголке, сокрушенно размышлял, а что же он ответит, если спросят, каким образом, на основании чего он оказался в новой квартире? Кривил в усмешке рот, пожимал плечами, но даже какого-нибудь нелепого ответа в голову не приходило. И отпала всякая охота ехать на улицу Толстого. Но деваться-то некуда. Неверов зябко поежился, вдруг с унынием осознав себя бездомным человеком. Подумалось, а не поселиться ли в углу кабинета, поставить ширмочку... и ни ходить, ни ездить не надо. Черт с ним, с Хамом, пусть себе там и живет один. И разлилась по всему телу гнусная тоска, точно такая же тоска, какую он пережил по выходе из крематория.

Но когда маршрутка покатила к центру города, Неверов уже отключился от квартирных и прочих бытовых проблем. Вновь – в который уже раз за последние недели – в сознании зазвучали знакомые и незнакомые голоса – хором об одном: институт обязан выполнить государственное задание, институт не может оставаться только теоретической единицей. И все это звучало и теперь убедительно, но всплывал родной голос Скобелева, последними словами которого были: «Не соглашайся, это будет кабальное открытие». Однако ему перечил иронический голосок Хама: «Не соглашайся! А что из того? Свет клином не сошелся. Кому докажешь? Не возьмешься ты, другие возьмутся. Только тогда поджимай хвостяру и переходи на подножный корм. Не соглашайся! Такой ведь теоретический... простите за выражение». И Хам не менее логично доказывал, что спецзаказ – это удача, которая дважды не повторяется. Это все: условия для любой последующей теоретической работы, слава, почет, звания всех мастей – словом, все, что необходимо гениальной личности в пределах земного. И главное, потребуется всего три-четыре года, максимум – пятилетка. А впереди жизнь! УП-1 должен быть создан и будет рано или поздно создан. И если Неверов ближе других к проблеме теоретически, то и у других ученых головы на плечах, а не на другом месте...

...Была встреча с президентом – надо! А предвидят ли они возможные последствия?.. Ведь все это гигантское создание должно быть снабжено самозащитным устройством, при идеальном решении система не подвержена опасности. Она защитит сама себя даже в случае космических бомбардировок. Энергетических ресурсов, скажем, должно хватить на 200–300 лет. Система на полном самообслуживании, отклонения и дефекты самоустраниются. И даже если «хозяин» решит избавиться от создания – он не сможет. А если в заданную программу вкрадется неточность или через 50 – 100 лет она окажется рутинной... Правда, пока непосредственная задача – разработать и предложить самовосполняющийся источник энергии. И это главное, все остальное решится элементарно. Само по себе открытие великое, открытие века, зато и может обернуться тем зверем, укротить которого уже невозможно. Не этот ли зверь и перекусит виток спирали...

Неверов почувствовал, как что-то мягкое и живое теснит его; затем он уловил слова, злобно сказанные: «Налопаются и как чокнутые. Ишь, развалился – барин». И только тогда Неверов освободился от своих мыслей. Толстая женщина с круглым песчовым воротником на шее и с большой хозяйственной сумкой на коленях, покручиваясь из стороны в сторону, пыталась еще и еще потеснить Неверова, хотя и без того он вплотную был прижат в угол. Неверов глянул за стекло – маршрутка стояла на прежней остановке, то есть там, где он и сел, в районе Эйнштейна. «Как долго», – подумал он, но тотчас понял, что уже поздний вечер. Значит, про-

катился туда-сюда, а может, дважды. Осознав глупость положения, Неверов коротко засмеялся, а толстая соседка, прекратив на время возиться, покосилась на него подозрительно.

Неверов отвлекся, успокоился. Организованный Хамом переезд уже не огорчал, сомнения показались нелепыми. И вновь он засмеялся, видимо, окончательно убедив соседку в том, что рядом с ней душевнобольной. Теперь толстуха пыталась отодвинуться от ненормального. А вдруг буйный – укусит.

9

Дом 144 г Неверов отыскал без труда, хотя за фасадными многоэтажными коробками с лампами дневного света приземистый особняк не освещался. Но Неверов почему-то наверняка шел к этому дому.

Нижний этаж был слеп. Лишь за углом, сбоку, желто светилось небольшое оконце. Зато второй этаж сиял всеми окнами. Ярко был освещен и подъезд; рельефно, красиво вырисовывались кованые витые кронштейны парадного, массивное литье и даже замысловатая решетка под ногами – все выглядело солидно и внушительно.

Щурясь и озираясь, Неверов медленно поднялся по стертым мраморным приступкам лестницы на площадку второго этажа. Единственная дверь, под кнопкой электрического звонка на листе бумаги значилось «И. А. Неверов». Осторожно Неверов нажал кнопку, прислушался – не слышно. Он было уже решил, что звонок не работает, когда дверь бесшумно распахнулась и сияющий Хам, клоня голову, жестом правой руки предложил – прощу.

Из прихожей, где Неверов снял верхнее платье и переобулся в домашние туфли, они прошли в просторную пустую гостиную. Кроме сверкающей чистоты и амурчиков на лепном потолке, здесь ничего не было. Хам уже раскрыл рот для доклада, когда резко распахнулась обеими половинками одновременно дверь слева. Открыла ее женщина ягодицами. Не видя мужчин, она тотчас бухнулась на колени, продолжая старательно руками разглаживать ковровую дорожку.

– Кто такая? – тихо спросил Неверов.

– Это? Э, можно громко. Это Биржа Нюрка – во баба! – Хам вывернул вверх большой палец. – Она там, внизу, живет, вроде уборщицы или смотрительницы полуподвала. – Видя недоумение и укоризненность Неверова, Хам пояснил: – Вслух громко можно. Во, говорю, баба. Глухонемая. Не подслушает, не сболтнет! Я с ней договорился за четвертной в месяц: она у нас будет ажур наводить. Трудяга-баба, старательная. И вообще... – Хам лукаво подмигнул и, в то время когда женщина начала подниматься с коленей, в несколько скачков оказавшись рядом, звучно шлепнул ее по обтянутым платьем ягодицам. Женщина мыкнула, быстро вскочила на ноги и повернулась сияющая. Но смутилась, залилась румянцем, опустила глаза.

– Вот ведь она у нас какая за-а-астенчивая, – пропел Хам. – Ну, подними, подними харюшку, подними, – и пальчиком поддел под подбородок. Это была крепкая краснощекая женщина лет сорока. – Вот, Нюрка, это и есть Иван Андреевич, наш академик. – Слова были адресованы Неверову, а для нее Хам быстро объяснил пальцами. Она восторженно закивала головой, помыкивая, – поняла, хозяин пришел. Хам перевел ее жестикуляцию: – Пусть, говорит, посмотрит, хорошо ли убрала... Хорошо, хорошо, – сам же и ответил, – а плохо будешь служить – раз и квас, момент – и выгоню... Иди, иди к себе, – сказал он вслух и на пальцах, – завтра придешь. – И вновь припечатал глухонемую пониже поясницы, причем женщина, похоже, обошлась без смущения.

На замечание Неверова, что, мол, не следует так обходиться с больной, да и вообще... Хам подмигнул недвусмысленно и ответил:

– Я уже ее приручил... Однако хватит. Посмотрим, где мы будем жить, – академическим тоном предложил Хам и повел.

Не считая прихожей, кухни, ванной и других подсобно-хозяйственных помещений, восемь комнат этажа были великолепны – светлы и просторны, но пусты. Даже кабинет Неверова, более-менее обставленный, выглядел убого: нелепо торчали стеллажи, на метр не достигающие до потолка, и двухтумбовый стол с черной настольной лампой выглядел дешевой гробинной, а индивидуальное кресло Хама – вовсе уродец. Словом, были великолепные паркетные полы, великолепные стены, высокие лепные потолки, великолепные окна, в конце концов,

в столовой великолепный камин, выложенный массивными блоками полудрагоценного малахита, но и только. Вся перевезенная утлость затерялась, утонула, осела хламом, так что Неверов, смущенно улыбнувшись, сказал:

– Что-то, любезный, здесь мне не по душе. А не отвалить ли нам восвосяи – к старику Эйнштейну?

Хам не воспринял реплику, Хам был задумчив и даже хмур. Полированным мизинчиком он быстро водил по оконному стеклу, чистое стекло певуче поскрипывало. Хам морщился. Наконец он заговорил:

– Теперь уже, Иван Андреевич, не до шуток, – он поджал и без того тонкие губы, прикрыл глаза. – М-да, не до шуточек. Коммунальная клетка на Альберта, 44 – уже забита осчастливленной семьей из четырех душ. А в нашем распоряжении, увы, недурственный этажик. – Хам выпрямился, потянулся, повывдвинул вперед грудную клетку, глянув на Неверова так, как если бы приглашал сойтись врукопашную. – Мы бедны, Иван Андреевич, и в этом вся беда. Мы нищи. Увы, мы не графья, денежки зарабатываем трудом праведным, не эксплуатируем народные массы...

Неверов беспомощно втянул голову в плечи, развел руки, как вдруг – встрепенулся: вспомнил, да ведь в портфеле 800 рублей – гонорар за одну из совместных с шефом публикаций.

– Вот, – и торжественно протянул деньги. – Здесь восемьсот рублей.

Хам скептически поморщился, небрежно взял пачку и лениво отбросил кредитки на подоконник.

– Гроши, Иван Андреевич, копейки, центы, пфенниги. А нам бы покрупнее. Тысяч двадцать хотя бы, двадцать. – Неверова точно в темечко клюнули. Хам усмехнулся. – Через полгода появится кругленькая сумма... Ваш коллектив уже выдвинут на соискание Государственной премии – за старую разработку. Да-да, не удивляйтесь – так и будет. Но это, запомните, государство даст аванс – материальный стимул – за будущую разработку спецзаказа. А новым, увы, пора заняться вплотную... Это так, для информации, а пяточки нам необходимы уже завтра. Какие тут шуточки, Иван Андреевич.

– Не знаю. Здесь все, что у меня есть. – Хмурясь, Неверов кивнул на рассыпанные по подоконнику десятки. – Надо поинтересоваться, может быть, взять какую-нибудь ссуду.

– Ссуду! – Хам застонал. – Ссуду на приобретение коровы – все те же восемьсот рублей! Ах, – он коротко взмахнул ладошку вверх. – Десять процентов годовых – хоп?.. Да что тут непонятного?! – слегка возмутился Хам. – Нам в портфельчике доставят денежки, ну, двадцать или сколько угодно тысяч. Разбогатеет в течение года – отдаем 22 000, на сутки передержим – 24 200 и т. д. Вся арифметика – устный счет, без всяких там компьютеров.

– Ну, если можешь, сделай милость, ты у меня распорядитель, – смущенно пробормотал Неверов. – Сам же говоришь, через полгода получим аванс.

Всю напряженность Хама рукой сняло, он, казалось, даже подпрыгнул на месте, заулыбался, запошмыгивал носом.

– Вот это по-нашему, с размахом, с перспективой, ай да Иван Андреевич, ай да мой академик! А аванец, ей-ей, будет, только работать надо, за дело браться, за дело, мой мальчик!

Хам вертелся то вокруг себя, то вокруг Неверова. Наконец понял, что ему необходим телефон. Он подхватил с пола аппарат, сунул его на подоконник, сорвал трубку и вонзил пальчик в номерной диск.

– Это я, это я! – нетерпеливо воскликнул он. – С улицы графа Толстого... Что? Толстые – все графья? Ну, зеркало, зеркало, отлученный, протестант... Без хохмачек: двадцать – через час. Ясно, ну и отличненько. – Хам умильно склонил кабачок, прикрыл глазки и аккуратненько положил трубку в гнездо аппарата. – Все, Иван Андреевич, все. А эти рублики, – Хам поклевал пальчиком в подоконник, – возьмите-ка себе на карманные расходы... Из них, да, оплатите за

профсоюз – не стыдно, год не плачено, это вам не времена Галилея. И еще: собственноручно вручите полсотни Нюрке, можно семьдесят пять – за квартал. Да, вот что: организуйте – организую все я! – в каком-нибудь неброском кабаке неброский выпивончик, присовокупив его к защите. Кстати, Иван Андреевич, а вы не забыли – послезавтра защита. – Неверов и затылок поскреб – забыл. – Ну, это ничто, это формальность. А вот обмыть – обязательно, это не формальность. Приглашайте без выбора – всех. – Хам погрозил Неверову мизинчиком. – И не откровенничайте с Султановым, этот старый гомик еще занимается и плагиатом...

Они так и стояли возле окна, за которым шагах в пятидесяти в слабом освещении маячила полуразрушенная церквушка. Хам резко вжикнул пальчиком по стеклу и резко повернулся к Неверову.

– О Русь, – проскрипел он. – Там пришлось избавляться от сифилитика, здесь – от этой дикости. – Он кивнул за окно. – Зла не хватает. Неужели для этого революции, чтобы глядеть на эти лжемессианские пережитки. Бульдозером, под корень, ыы-ых! – Получился рычащий неумолимый звук. – Крестики, попики, опиум, и куда только партия смотрит... а все этот семинарист... Ах, простите, мой академик. Ужинать, ужинать, ах, худой мой кабачок! И шампанское во льду в честь первой ночи в графском домике. А ужин... – Хам звучно чмокнул в собранные пальчики и повлек, и повлек Неверова к столу.

А Неверов виновато улыбался, думая о том, сколько же хлопот взвалил на свои плечи Хам.

Не успели они и разместиться за столом, как запел мелодично электрзвонок. Хам встрепнулся, одернул жилеточку и заскользил по паркету в прихожую. Через минуту он возвратился, покачивая на пальчике новенький кожаный темно-желтый портфель.

– А вот и денежки припрыгали, – сообщил он и торжественно раскрыл портфель с тугими пачками кредиток. – А это расписочки, в коих мы и распишемся.

Расписки состояли буквально из десяти слов: обязательство возвратить полученную сумму с десятью процентами годовых.

– Не сомневайтесь, тютелька в тютельку, грошик в грошик – считать не надо, – приговаривал Хам, ставя подпись, а точнее – замысловатые крючки вместо подписи. Расписался и Неверов. Один экземпляр обязательства Хам сунул в портфель; размахивая вторым экземпляром, заскользил в прихожую. Через открытые двери донесся его голос:

– Ва-а-ли. Расписку получил? Получил. Что еще? Портфельчик? Вот тебе портфельчик! – раздался звучный шлепок ногой под зад. – Пошел вон! – уже сквозь смех цыкнул Хам. – Ну! Не то, как говорит мой академик: по кабачку врежу!

10

В пятницу десятого месяца восемнадцатого дня И. А. Неверов был провозглашен доктором физико-математических наук. Коллеги восприняли факт этот как триумф молодого двадцатисемилетнего ученого, а ученый, смущенно улыбаясь, сошел с кафедры и поразил ученую элиту слишком звучным заявлением:

– Пойдемте все в кабак, там, наверно, все готово.

После минутного замешательства грянули аплодисменты. Ай да Неверов – не оплошал, ай да молодец! Правда, ученая элита, как бы восприняв все это за шутку, удалилась, зато доктора и кандидаты наук, оживленные, отправились в кабак «Пекин».

Последнюю неделю Неверов настолько был занят, так много вдруг одновременно свалилось неотложных хозяйственно-технических забот, что все это время прожил он в двойном угаре.

А между тем двадцать тысяч, вверенные в распоряжение Хама, потрясли торговую Москву – нет, не суммой, а натиском. Черная «Волга» металась по столице. Хам врывался к директорам и завам магазинов и баз и, как говорится, с ножом к горлу. Нет, он не набрасывался на дорогие вещи: первым условием выставлялось удобство, вторым – гармония. При нем в темно-желтом портфеле был объемистый рукописный свиток, который он солидно распускал и, тыча пальчиком в наименования, степенно говорил:

– Мой академик выделил на ковры всего четыре тысячи рублей, – и косился на директора или зава, мгновенно угадывая и характер того, и настроение: – Ну-ну, Пупсик, ты мне телегу в мешок не тискай, мой академик не скуп – зелененькую на сигареты получишь, – цинично говорил он одному; зато другому не менее цинично напоминал: – Мой академик – друг Ландау, а Ландау не Ежов, Ландау шутить не любит. Чтобы через три часа вся эта номенклатура была отгружена, да не забудь счет и рабочих, – и тотчас вытягивался навстречу обескураженному администратору и шипел в лицо: – Башку, петух, скручу, только попробуй – сорви мне мероприятие. – И, надвинув на глаза шляпу-котелок, совал под руку темно-желтый портфель и мчался к черной «Волге», считая, что дело сделано.

И действительно, к дому 144 г по улице Толстого как по графику подходили и подходили машины-фургоны. Хам четко распоряжался, указывал что куда, причем истерично негодовал, когда рабочие пытались двигать по паркету тяжелые предметы. Одному с похмелья нерадивому он даже врезал по загривку. Зато каждому по окончании дела наливал по стакану хлебной водки, напутствуя:

– Молодцы, мужики, молодцы! Богатыри, ах, славно пьете! Пейте, пейте, за науку, за моего академика.

Мужики стеснительно стягивали шапки, глотали непривычно мягкую водку, закусывали прозрачными дольками балыка – и блаженно улыбались...

Хам уложился в смету. Всего лишь девятьсот двадцать рублей потратил он на «смазку» и на хлебную с балыком. Второй этаж графского особняка обрел неповторимое величие.

Стоило Неверову войти в прихожую, Хам тотчас понял: сегодня его подопечный нормален – видит, слышит, понимает. Тогда-то он и повел Неверова в изумительное путешествие по комнатам – даже в туалет обязал заглянуть. Особенно по душе пришлись три комнаты, предназначенные только для науки. Рабочий кабинет с тремя столами: физика, математика, общий. Из кабинета одна дверь вела в спальную, вторая – в изящную гостиную-библиотеку, где было все предусмотрено, чтобы уютно провести встречу с коллегами. Остальные комнаты распределены так: столовая, смежная с кухней; промежуточная комната – ничья; зал, или холл, как называл переднюю Хам, и далее две смежных шикарных комнаты – кабинет и спальная Хама.

В спальней, действительно, стояла широкая тахта, на которой можно было бы спать и поперек. До крючочка, до пепельницы – все было учтено...

Просматривая отчет с остатком в 120 рублей, Неверов болезненно усмехнулся, подумав: а двадцать тысяч висит на шее. Но Хам тотчас подсунул газету, где черным по белому было написано, что группа ученых, руководимая ранее Скобелевым-Волобуевым, за успешную разработку и т. д. выдвинута Академией наук на соискание Государственной премии...

– Не извольте угнетаться, мой академик, все возместится...

Неверов заметно ободрился, погладил своего друга по полированному затылку и попросил приготовить ванну.

11

После ужина с массандровским вином они сидели в приземистых креслах перед камином, пили кофе, курили ароматные сигареты, обсуждали домашние вопросы. Витыми никелированными щипцами Неверов поправлял в очаге березовые чурочки, невольно наблюдая, как, охватываемая пламенем, скручивается и сочится береста, а Хам докладывал, объяснял, предлагал.

Бесшумная глухонемая убрала со стола посуду и теперь, затворившись, управлялась на кухне. Со двора глухо проникал рокот бульдозера, и от этого рокота сердце Хама то замирало в истоме, то билось учащенно. Вторую ночь механизированная бригада строителей сносила церквушку. И когда начинал постукивать пневматический молоток или завывал колесный экскаватор, Хам не выдерживал: срывался с места, отодвигал тяжелую штору и вглядывался за окно. А возвращаясь в кресло, всякий раз, как будто оправдываясь, ворчливо бубнил:

– Ну кругом, кругом пережитки, кощунство – и за что умирали...

Уже обсудили и решили, что необходимо занять говорящую женщину, которая занималась бы приготовлением пищи, была бы горничной и экономкой, и совсем хорошо, если бы и жила здесь – в ничейной комнате. Хам заверил, что на неделе такая особа будет доставлена, можно хоть завтра, но-де он, Хам, организует конкурс, чтобы бабочка была по всем статьям. Оставалось переговорить о новой литературе, которую Хам каким-то чудом доставал как из-под земли, когда из кухни быстро вышла Нюра: крутнула пальцами, мыкнула и ушла в прихожую. Хам пояснил, что звонят и что для глухонемой на кухне установлена световая сигнализация. Нюра возвратилась взволнованная. Она быстро объяснила, что за дверью четверо мужчин и что у одного под штатским военная форма.

Хам выскочил из кресла, зыркнул вокруг настороженными глазками, нырнул за чем-то под стол, выскочил и распорядился:

– Это в связи с началом работы над спецзаказом. Примите спокойно, лишнего не говорите, поглядывайте на меня. Я – замер. – И он яростно ощерился на Неверова и на бледную Нюру – идите, мол, встречайте.

Хам не ошибся, тем более одного из гостей, подполковника Ткачика, Неверов знал. Ткачик поддерживал постоянную связь со Скобелевым-Волобуевым. Поздоровались. Неверов предложил пройти, а глухонемой как смог объяснил, чтобы она сварила кофе и приготовила на стол.

Но каково же было удивление, когда в столовой между столом и камином Неверов увидел искообразную корягу – Хам с табличкой на шее «С. Коненков. «Страждущий». Дерево».

Ткачик тотчас восхитился:

– Коненков, да, да, Коненков! Баз подписи не ошибешься... Вот, товарищи, можете полюбоваться – подлинник, в единственном экземпляре... Ах, какая работа, гениально! Это из периода «Егорыча-пасечника». – И восхищенный Ткачик пощелкал Хама по лбу.

За стол Неверов усадил гостей так, что «скульптуру Коненкова» прямо мог видеть только он сам. Хам одобрительно подмигнул. Старшим из гостей оказался полковник Троицкий, двое других майоры. Неверов предупредил, что домработница приходящая и глухонемая, можно говорить свободно. Гости одобрительно, но сдержанно посмеялись. Извинившись за вторжение, Троицкий по-военному кратко пояснил:

– Вы более, чем я, понимаете, что предосторожность всюду необходима. То, что вас поселили здесь – очень хорошо. Внизу глухонемая и старая рухлядь, низ мы уже опечатали, а здесь, кроме вас, – никого. Похвально. Итак, вы позволите товарищам осмотреть помещение, аппаратуру и прочее?.. Сидите, сидите, – остановил Троицкий. Из-за стола поднялись майоры и Ткачик.

Троицкий с Неверовым остались наедине, беседовали мирно обо всем, и Неверов вовсе не замечал и не догадывался, что опытный полковник попросту допрашивает его: о знакомых, о личных связях и т. д. Он одобрительно улыбался, когда Неверов смущенно объяснял, что ведет затворнический образ жизни и что ни друзей, ни даже личных связей с женщинами у него нет – некогда...

– Итак, две просьбы, – после паузы и коротких соображений подытожил Троицкий. – Первое: сообщайте Ткачику имена тех, кто будет пытаться завязать с вами знакомство или связь, исключая, понятно, ваших прямых коллег; и второе: за пределами института вам необходимо сменить фамилию. Ну а о личной вашей безопасности мы позаботимся.

Неверов скептически пожал плечами.

– Задача... Иванов, Петров, Сидоров – на выбор. – В это время он поднял взгляд: Хам подмигнул и тотчас выворотил язычище, который, скорее, напоминал солидную мужскую ладонь. На языке отпечатано: «Пророков».

– Иванов, Петров, Сидоров, нет, не то. – Троицкий сосредоточился. – Что-нибудь посамобытнее, что ли.

– Хорошо. Отныне я буду Пророковым.

– А вот это уже то, – одобрил Троицкий. – Завтра вам доставят документы на имя Пророкова. А заодно и табличку на дверь... Скажите, вы приглашали художников для оформления комнат? – неожиданно любопытствовал он.

Хам так и затряс кабачком – нет!

– Нет, – вяло ответил Неверов, – я все продумал сам, правда, с помощью литературы.

– А я хотел адресок позаимствовать. Никак не могу со вкусом оформить свои апартаменты...

Пришли из обхода Ткачик и майоры.

– Все в порядке, товарищ полковник, – доложил Ткачик.

– И у нас в порядке, – улыбнувшись, ответил Троицкий. – Знакомьтесь: доктор физико-математических наук Пророков Иван Андреевич. Пророков, – внушительно повторил он...

Когда, проводив гостей, Неверов возвратился в столовую, Хам рявкнул из-под стола:

– Пророк! Будь здесь, никуда не ходи! Я организую дезинфекцию. – Он вынырнул из-под стола, но то была уже не скульптура Коненкова, а повседневный Хамчик в белоснежной рубашечке, в жилеточке с массивной серебряной цепочкой от часов.

– Вали дезинфицируй. – Неверов бухнулся в кресло перед камином и весело засмеялся. – Пророков!..

А Хам уже всю гремел телефонными аппаратами, хлопал дверями, возился в прихожей, в ванной – во всех комнатах. Наконец он возвратился усталый, но довольный. Вытер голову носовым платком и тоже бухнулся рядом в кресло.

– Лялю им в одеяле, товарищ Пророков, – Хам вывернул остренький кукиш. – Глазки и ушки у меня в кармане... Знаю я его... апартаменты, – он явно передразнил Троицкого. – Повесил на стену оленьи рога, сотню книг, как в музее, под стекло втиснул и радуется и думает – все знаю. А доченька каждую неделю ночевать нового чувака водит... апартаменты. Шерлоки Пронины, да я их всех бы, бездарей, с госслужбы вытурил, дотаций бы лишил... апартаменты. – И засопел обиженно.

Пригретый добрым березовым жаром камина, скрестив на животе руки, Неверов уснул в кресле. А Хам механически выщипывал из грозди ягоды винограда, давил их языком, задумчиво и отрешенно смотрел в костер камина. О, сколько он пережил огня – радостного и печального, победного и пораженческого. Далеко были его мысли, мысли его витали в тысячелетиях. Он видел и помнил огонь истории как сегодняшний день, он помнил уроки истории... Изредка Хам с поскрипыванием вздыхал и чему-то невесело улыбался тщедушной улыбкой.

12

Порой Неверову казалось, что он работает и во время сна, а иногда чудилось, что он и вовсе не спит – лежит и думает с закрытыми глазами. Как смена времени дня, как смена времен года, вся внешняя жизнь с большими и малыми заботами вновь не существовала для него – поглотила идея открытия. Он уже не задумывался о практическом использовании открытия в будущем, теперь для него реально существовал лишь мировой океан природы, и одну из великих тайн, одну из загадок этого океана и призван разгадать он – Иван Неверов. И не только идея властвовала над ним, но и он властвовал над идеей. В этом поистине достойном единоборстве и терялись одноликие дни его жизни.

Он руководил работой вновь созданного института. Здесь были собраны лучшие специалисты-ученые. И весь этот мощный мыслительный аппарат содрогался от напряжения. От каждого стола, от каждой машины и прибора невидимые нити стекались в кабинет Неверова, откуда он, случалось, не выходил неделями. Неверов, вероятно, и сам не сознавал, что в его голове проблема уже решена, открытие сделано, что задачи, поставленные перед многочисленными отделами, в его голове уложены в готовом виде. Руководители отделов и бюро поражались стихийности мышления молодого шефа. Шеф, как правило, посиживал за столом и отрешенно поглаживал нахохлившегося ворона – Карла. Посетитель предупредительно кашлял или тотчас обращался по имени и отчеству – Неверов вздрагивал. Нередко он морщился, иногда прерывал коллегу на полуслове и тотчас давал ответ на вопрос или крупным росчерком выписывал на листы бумаги готовые расчеты или необходимые формулы и выводы, ради чего и трудилось бюро или даже отдел. И все понимали: процесс необратим, результат поиска предопределен, необходимо лишь время.

Карла торжественно на день рождения подарил Хам. Ворон был необыкновенным хотя бы потому, что ему исполнилось полных двести лет. Неверов усомнился в таком долголетии, но золотое колечко, намертво вросшее в лапку птицы, неопровержимо свидетельствовало, что Карл закольцован в Париже в год своего появления на свет, о чем свидетельствовал и документ, оформленный в Ирландии и подтвержденный в России в 1788 году. Карл хромал на закольцованную лапку, летать толком не умел, чаще степенно ковылял вперевалку, но к домашним условиям был приспособлен вполне. Легко взлетал на стол, на плечо, на шкаф, перелетал из одного угла в другой. Лакомился ворон брынзой и устрицами с душком. И Неверов нередко нервничал и даже терял работоспособность, когда у Карла вдруг не оказывалось ни того ни другого.

Птица давно выцвела, утратила свой вороненый блеск, перо и пух, скорее, были грязно-серыми, и клюв серый, облупленный, и шея полуголая, и сплошные безразличные глаза под пленочной поволокой. Карл любил дремать на плече Неверова, но чаще он сидел на столе по правую руку. Охотно подавал сигареты, спички или зажигалку, ручку, но любимым занятием было откладывание в стопку исписанных листов. Стоило Неверову исписать лист до конца, Карл осторожно подхватывал его толстым клювом и укладывал в ровную стопку. Хам утверждал, что Карл добрую половину жизни провел в писательских кругах. Если же что-то падало со стола, то поднимал непременно Карл и страшно сердился, кричал, если вдруг кто-то опережал его. Иногда они беседовали, хотя по-русски ворон говорил лишь свое имя, да и то с акцентом.

И вновь под ветром роптали опавшие листья, и небо за день по несколько раз меняло свой облик. Пустырь между институтом и окраиной города давно отцвел и пожух, отчетливее и холоднее обозначился асфальт прямой дороги – как лезвие ножа по рукоять в столице.

Неверов шел медленно и, казалось, бесцельно. Следом ковылял Карл, изредка сердито пощелкивая клювом. А сзади на почтительном расстоянии медленно их сопровождала «Волга» бежевого цвета: за рулем Таричан, рядом – теперь уже полковник в штатском – Ткачик.

Когда Карлу надоело скакать по асфальту, предупредительно вскрикнув, он в один мах взлетел на правое плечо Неверова.

Инстинкт вел домой. И там, где от автострады ответвляется улица с одним порядком домов – ул. А. Эйнштейна, Неверов свернул направо и скоро уже вошел в подъезд дома 44-бланш. На первом этаже торкнулся в однокомнатную квартиру – заперто. Он поднялся на второй этаж, но ни один из его ключей не подходил к замку. Тогда Неверов поднялся еще на этаж выше. От легкого прикосновения дверь под номером 13 отворилась, и Неверов с Карлом на плече предстал в дверях ярко освещенной квартиры.

На коврике посреди комнаты играла девочка. Лишь на миг она задержала на госте изучающий взгляд, но уже в следующую минуту сморщила носик и восторженно закричала:

– Мамочка, мама, беременские музыканты! – Она уперлась ладошками в пол и поднялась на ноги. Карл повел сонным глазом, мотнул башкой и громко объявил: «Карл!» Девочка даже визгнула, захлопала в ладоши: – Мамочка, беременские музыканты!

Неверов уже намеревался ускользнуть на лестничную площадку, когда из кухни вышла Катя. Она настолько растерялась, что бессмысленно руками подхватывала себя то за бедра, то за грудь, точно пытаясь освободиться от фартука. Наконец поздоровалась, притянула за гостем дверь, повернулась к дочери и сказала:

– Нет, доченька, это не музыканты, это... это Иван Андреевич Неверов. Иван Андреевич раньше там, внизу, жил.

И лишь теперь Неверов окончательно понял, где он и кто перед ним.

– Нет, – возразил он, – вы ошиблись, моя фамилия Пророков.

– Как же это? – она удивилась.

Клоня голову, Неверов повторил:

– Пророков.

– Иван Андреевич? – растерянно спросила она.

– Это точно – Иван Андреевич. – Он улыбнулся.

– Иван Андреевич, айда играть, – позвала девочка и потянула Неверова за полу плаща в комнату.

– Проходите, Иван Андреевич, проходите, – спохватившись, засуетилась и Катя. Неверов беспомощно оглянулся на закрытую дверь.

– А я, знаешь, и играть не умею, – сконфуженно признался он девочке. – Поиграй с Карлом... – Он уже намеревался спросить, а как зовут девочку, когда мать, поправляя дочери гребенкой челку волос, сказала:

– А это *наша* Наташа.

– Наташенька Валуева, – поправила дочка. – Мать засмеялась. – И мне вот сколько лет, – спрятав за ладонь большой и мизинчик, Наташа выставила три пальчика. – А ему? – и указала на Карла.

Теперь засмеялся Неверов.

– О, ему двести лет... Иди, Карл, поиграй с девочкой Наташей!

Карл, старчески поворчав, прыгнул с плеча на пол, подскочил к Наташе – и развязал бантик на ее голове; громко крикнул и заковылял по комнате, притворно волоча крыло: лови. Наташа, залиvisto смеясь, пустилась вдогонку. Но притвору Карла догнать было невозможно: он ускользал из рук, вспрыгивал девочке на спину и точно потешался над ней: кар, кар, кар. Они устроили такую свалку, что вскоре разбили глиняную вазочку.

– Ах, Карл, как тебе не стыдно, – строго укорил Неверов. – Сейчас же убери черепки.

И Карл с Наташей занялись уборкой.

Он сидел, облокотившись на край стола; Катя стояла здесь же рядом и все пыталась пристроить куда-то руки – то прятала их за спину, то под фартук.

– Что ж вы, Иван Андреевич, и не зайдете, хоть бы заглянули другой раз... три года уже с лишним.

– Три года, – не то удивленно, не то вопросительно повторил Неверов.

– Три... А где вы теперь-то живете? – осторожно попытала Катя и тотчас, как будто оправдываясь: – Тогда так быстро поднялись: я в поликлинику ушла – были, пришла – нет.

– Да, да, – механически согласился Неверов и так же механически извлек из кармана небольшую лощеную визитную карточку – изобретение Хама.

Катя, поражаясь, медленно прочитала вслух:

– Доктор физико-математических наук И. А. Пророков, ул. Л. Толстого, дом 144 г, тел. 12345678... Вот ведь вы какой, Иван Андреевич. – Ей хотелось спросить о многом, пожаловаться, рассказать, но не осмеливалась на лишнее слово. – А поседел, и морщины, – вдруг с состраданием заметила она. – Наверно, работы много?

– Много, очень, – невнятно ответил он. В памяти его вдруг колыхнулось прошлое, что-то нежное и волнующее пробудилось, ожило в нем – это было когда-то давно, но после уже никогда не повторялось. Он медленно перевел на нее взгляд и спросил: – У вас ведь муж – летчик?

– Да, – она тряхнула головой, – летчик. Теперь он не летчик, теперь он бортмеханик. А сейчас в отпуску, на родину уехал.

– На какую родину? – озадаченно переспросил он.

– На родину, на родную, на свою. В деревню уехал в отпуск, из рязанских он.

– Вон как. – Неверов улыбнулся – и вдруг: – Катя... звезда Катя, Ка-тя, – произнес он с такой откровенной теплотой, что из глаз Кати так и брызнули восторженные слезы. Она слепоткнулась ему на грудь, а он сидел все так же неподвижно, правой рукой медленно проводил по ее лицу – от виска, по щеке к подбородку.

Пронзительно и гневно вскрикнул Карл, вспрыгнул на плечо Неверову, хлопнул крыльями и ткнул Катю клювом в голову. А Наташа молча с любопытством смотрела на взрослых...

В квартире 13 Неверов вспомнил и уяснил все, не уяснил он главного, что Наташа – его дочь. Зато, когда, прощаясь, он спросил, что ей при случае привезти в подарок, Наташа без запинки ответила:

– Братика мне привезти.

И теперь, вспомнив это, Неверов добродушно усмехнулся. Карл перебрался на плечо Таричана и всякий раз пронзительно кричал, когда на дороге возникала опасность или же в светофоре загорался красный свет.

13

– Ну и как наши дела, уважаемый? – почти весело поинтересовался Неверов, когда они сели за поздний ужин.

– О, мой академик, ваши дела вам лучше известны, а мои – ничего: бодрствую, служу, процветаю. – Хам ощерился, откинул голову назад, так, чтобы видно было два этажа золотых зубов. – Зубы вот вставил, давно собирался...

– А что это за табличка у нас на двери «Ученый секретарь Ха. Московский»?

– Не понимаю. – Хам заносчиво потрянул головой.

– Кто такой Московский, что именуется моим ученым секретарем?

– Перестань, подлец, не чавкай! – цыкнул Хам на Карла – на краю стола тот управлялся с консервированными устрицами. – Какая невоспитанность... Ученый секретарь – это я. Вас это смутило, мой академик?

Неверов усмехнулся, уже раскрыл рот, чтобы ответить, но в это время горничная принесла кофе, фрукты, сливки и сигареты. Горничная новая – трудно было бы на трезвую голову ошибиться. Неверов как будто оробел.

В ней все было великолепно: платье, пропорциональность тела, пластичные руки, изящная шейка, с мягким покатом плечи и открытая до возможного грудь, матовое лицо, черные вороненные волосы и полунасмешливый, полунадменный блеск черных диковатых глаз.

Неверов первым отвел взгляд, причем успел заметить, как губы горничной еле уловимо дрогнули, так что от уголка рта вниз скользнула тень морщинки. Горничная разгрузила поднос и молча бесшумно ушла на кухню – и ни слова. Неверов шепнул:

– Кто такая?

– Иван Андреевич! – Хам укоризненно покачал головой. – Она у нас уже вторую неделю...

Неверов неопределенно хмыкнул.

– Ты знаешь, друг мой, такие, наверно... и египетским фараонам не прислуживали... где ты такую отыскал?

Хам лукаво подмигнул и, перегнувшись через подлокотник кресла, переключился на заговорщический шепот:

– Частное приобретение... с прицелом... – Он окончательно вываливался из кресла, шептал вздохом, так что понять его было невозможно, звучно раздавалось лишь похрюкивание. Однако Неверов понимал его, кивал головой, а в конце концов погрозил внушительно кулаком, на что Хам, вскидывая из кресла ноги вверх, радостно визгнул.

– Мой академик! – наконец восторженно объявил он. – Ее зовут – Эва! И без церемоний! Эва! – позвал он. – Мой академик желает тебя лицезреть! – Неверов хлопнул Хаму по кабачку. – Эва! – еще отчаяннее взвыл Хам. – Покажись, звезда моя голубая!

Боже мой, какая же это кухарка?! Королева!

Эва манерно склонила головку и спросила приятным, чуть резковатым голосом:

– Что бы вы хотели, Иван Андреевич?

– Я? – нелепо переспросил Неверов и потер подбородок, сминая его пальцами. – Я бы хотел, чтобы на столе появилась бутылка вина и чтобы вы, Эва, сели с нами за компанию.

Она признательно улыбнулась. В следующую минуту на столе появилось вино, и Эва сидела рядом.

Когда первое смущение поулеглось, а хмель – ах, этот непривычный хмель! – жаром растекался по телу и как огнем лизнул щеки, Неверов оживился, повеселел, однако все же спросил, о чем уже неоднократно намеревался спросить:

– Скажи мне, какое отношение к нам имеет скобелевская «Волга»?

Хам только руками всплеснул.

– Ах, мой академик, ах, милая наука, ах, гений мой! Не я ли еще в начале года докладывал, что мы выручили вдову Волобуеву – купили эту задрипанную «Волгу» вместе с Таричаном. Это ваш лимузин, а полковник как бесплатное приложение, чтобы можно было нарушать правила уличного движения.

Неверов подумал спросить, а на какие деньги сделано это приобретение, но взгляд его задержался на Еве, и показалось верхом неприличия говорить при ней о деньгах.

Стоило Неверову отвернуться или просто отвести взгляд, как Хам начинал яростно вращать глазками, скалиться и ширять в бок божественную Еву, как будто что-то приказывая или подсказывая ей, на что Ева снисходительно усмехалась.

Когда же и вторую бутылку вина ополовинили, Хам скромно предложил премьеру.

– Моя мечта, – получив согласие на выступление, воскликнул он, – в будущем при Академии наук организовать художественную самодеятельность! Уверяю: весьма, весьма научно и здраво! В 11.00 для академиков и прочей шушеры производственная зарядка, а вечером после мозговой работы – репетиции в кружках художественной самодеятельности, выступления, концерты. Изумительно! Я веду программу, я – конференсье, я – объявляю: «Уральская рябинушка»! Исполняет академик Шыдлек, нет, академик Балахнин!

Неверов и Ева, переглядываясь, улыбались, но когда Хам вдруг неподдельным голосом академика Балахнина запел «Уральскую рябинушку», Неверов засмеялся, смеялся он до слез, так что исполнитель вынужден был делать паузы для роздыха. Затем Хам, посверкивая глазками, сдернул с плеча жилеточку и балаганно крикнул:

– Карлуша! Вам-пир! Сальто-мортале! – перевернулся через голову и принял позу.

Карл на камине встревожился, потянулся на лапках и начал вращать и тянуть шею так, как если бы его теснил китель с тугим негнушимся воротником. Воздев руки, Хам выкрикнул непонятные слова на жаргоне или на каком-то из иностранных языков, однако Карл, очевидно, понял его: захлопал крыльями и, трижды каркнув: Карл! Карл! Карл! – перемахнул на кабачок Хама. Распуская крылья, ворон вращался вокруг себя, вскидывал поочередно лапки, явно импровизируя танец... И началось невообразимое: Хам что-то выкрикивал, Карл пронзительно отвечал – создавался какой-то базарный галдеж. Но галдеж был только аккомпанементом к действию: они импровизировали пьянку – пьяных мужиков, драку, стреляли друг в друга и пели дуэтом. Однако венцом выступления был полет в космос: дважды по кругу обогнув столовую, перемахнув через стол, они друг за другом оба исчезли в камине... И как-то сразу вдруг наступила гробовая тишина. Неверов ощутил неприятный озноб. Видимо, то же переживала и Ева. Она поежилась и порхнула из своего кресла к Неверову, втиснулась рядом, прижалась как дитя. Невольно он обнял ее. Она уже потянула к нему вздрагивающий ротик, но распахнулась кухонная дверь и в столовую ворвался Хам с ковриком в руках – премьера продолжалась. Он бросил коврик под ноги и только встал на него, только закатил глазки к потолку, как из кухни крадучись приковылял Карл, прихватил толстым клювом край коврика, взмахнул крыльями – и дернул. Хам как подкошенный бухнулся навзничь. Ворон лениво взлетел на камин, нахохлился и тотчас задремал. А Хам лежал. Наконец он зашевелился, держась за кабачок, со стоном поднялся.

– Ну, погоди, стерва двухвековая! – скалясь из-под нависшего носа, проскрипел Хам и потряс кулаком – погрозил Карлу. Припадая на инвентаризованную ногу, придерживая затылок, Хам прихватил коврик и поволокся в свои покои. В дверях он вновь огрызнулся:

– Стерва, все мозги перевернул... премьеру испортил...

* * *

Утром Неверов вышел в столовую получасом позднее обычного. На столе ждал завтрак. Карл, нахохлившись, дремал на спинке кресла. Хам, уже забыв о ночном травматизме, в фартуке и в белом колпаке, который то и дело падал на глаза, возился на кухне и нарочито громко ворчал:

– И эта стерва в постель забралась, а я – кухарь... только ведь и у Хама организм не электронный... все Хам, все Хам, скоро и полы натирать Хам... – Наконец он высунулся из двери и радостно воскликнул: – О, мой академик! С добрым утречком, как отдохнулось?!

Однако от вчерашнего Неверова не осталось и следа: в ответ он лишь одарил каким-то потусторонним взглядом. Хам засопел, слышно было, как он сливает кофе...

– Карл! – крикнула птица. Неверов вздрогнул – пора. Он резко поднялся, комкая салфетку, вытер руки и быстро пошел в прихожую. Хам засеменял следом.

14

Нередко из тишины кабинетного одиночества он уходил в далекие странствия, уходил в такие дали, что не только люди, но и планета Земля безнадежно терялась в пространстве. Так однажды он побывал на одной из планет зазвездной системы. Планета была заселена дематериализованными существами. Духи существовали. Духи практически ничего не делали: не строили, не выращивали, не открывали. Духи утверждали, что именно в таком бездеятельном созерцании они и находят покой. Когда же речь зашла о научных открытиях, о тайнах законов природы, они в форме анекдотов рассказывали о том, *что* еще в далеком будущем предстоит открыть на Земле. И, смеясь, утверждали, что на Земле у живых материалов головы не в ту сторону повернуты. Неверов хмурился, досадовал, а духи – смеялись, и на все его доводы отвечали одним-единственным вопросом: «Зачем?» Он говорил, что с Земли на Луну и на другие планеты Солнечной системы летят корабли. «Зачем?» На Земле давно расщепили атом, ядро. «Зачем?» Он объявлял, что люди создали такую аппаратуру, что давно появилась возможность пересаживать сердца, а со временем и головы будут заменять. «Зачем?» В конце концов Неверов решил, что его разыгрывают, и тоже засмеялся. Ему же задали единственный вопрос: «А вы там у себя мух еще не всех уморили?» И Неверов невольно ответил вопросом: «Зачем?»

На память ему запечатали в колбу частичку его же духа...

* * *

Теоретически неиссякаемый источник энергий был открыт. С тех пор как начались практические эксперименты, опыты, Неверов все чаще улетал в длительные командировки, бывал на предприятиях, на полигонах, в шахтах...

Для внутреннего пользования одна за другой выходили его работы, и каждая из них вызывала восторг, удивление и робость у коллег по институту и Академии наук.

– М-да, действительный Пророк в науке, какой диапазон, какая гармония в мышлении! – солидно покачивая умудренными головами, признавались друг другу почтенные патриархи науки...

А дом 144 г по улице Толстого существовал мирно и неприметно – ни один звук не проникал на второй этаж, как и оттуда не выходило ни единого звука. Соседи в многоэтажных панельных домах толком и не знали, кто живет в особняке, да и кому какое дело – кто живет. «Какой-то начальник», – рассуждали одни, видя, как утром «Волга» бежевого цвета увозит жильца, а привозит уже поздно вечером или вовсе не привозит. А те, которые замечали при Неверове Карла, утверждали, что это-де, циркач или директор зоопарка. Иногда в дом съезжались гости, но ведь гости у всех бывают. Словом, только мальчишки из окрестных дворов, во время игр дети нередко заскакивали в подъезд и на площадку второго этажа дома 144 г, только они и знали, что живут здесь доктор наук Пророков и его ученый секретарь Московский.

15

– ...Да, такова конъюнктура, таковы парадоксы, братья. Мы так редко сходимся, что охватывает печаль, когда я смотрю на ваши сокровенные светлые лица и думаю: а ведь все мы живем в одном городе. О, стены плача, успокаивает лишь то, что мы были, есть и будем веками...

«Братья» сидели вокруг стола на полумягких стульях, вертикальные спинки которых были настолько высоки, что ни одна голова не возвышалась над ними. Круг стола был ярко освещен, но лица скрывались в тени. Однако и тогда с обращением «братья» надо было согласиться – невзирая на лица: все в белоснежных сорочках с черными галстуками бабочкой, на каждом аккуратненькая жилетка; и ладошки у всех подобные – узенькие, отполированные, с желтизной.

Мастер не закончил своего трогательного слова и хлопнул в ладоши. Из холла бесшумно вошла Эва с игристыми бокалами вина на подносе. К каждому стулу против часовой стрелки с правой стороны она склоняла поднос: из-за спинки стула выныривала узенькая ладошка в белоснежном горлышке манжета и брала бокал. Когда Эва обошла всех и так же бесшумно удалилась, Хам приглушенно воскликнул:

– За Братство, за Союз!

Карл, которого Неверов не брал в командировки и который теперь сидел на плече Хама, хлопнул крыльями и восторженно крикнул. Братья оживились, одобрительно задвигались, тихо заворковали.

Не поднимаясь с мест, символически сдвинули хрустальные бокалы – и как роднички по камешкам мелко забулькало вино. Запустукивали вилочки, но тотчас смолкли – сыты. И тогда Хам сделал жест, призывающий к вниманию и действию.

Против часовой стрелки заговорили поочередно. Обходились без лишних слов, без вопросов, понимали друг друга с полуслова:

– В ближайшее время необходимо пополнить кассу, интересует химия.

– Президенту осталось максимум год – опухоль в легком...

– Старика Шлаку... необходима подпорка, иначе он застрянет...

– Туризм развивается по графику. Перспективный план перевыполнен.

– Ученицы подобраны в необходимом количестве...

– Есть гениальный второкурсник – биохимик Волгин...

– Подскажите Пророку: к нему прикреплен еще и Рубцов, из Старгорода, личность крайне глупая, поэтому возможны глупые откровения...

– Разработкой источника энергии <...> уже занимается Клод Гундерман – происхождения французского...

Крайний слева четко прошелся по карте – с севера на восток и на юг. И только после этого со всех сторон вырвался вздох облегчения.

И вновь Хам хлопнул в ладошки; и вновь подняли бокалы, на этот раз за ближневосточное направление...

В гостиничном холле на голом паркете – в центре – стоял голый стол, вокруг голые гнутые стулья. Здесь скучало несколько молодых женщин. В сторонке, в единственном мягком кресле сидел сухопарый рослый старик с козлиной седой бородкой, с седой же паутиной опушкой волос от уха до уха по затылку. В руке он держал массивную прямоугольную лупу и пытался разглядеть опекавшую его Еву. Но из затеи ничего не получалось, и старик, похихикивая, довольствовался тем, что поглаживал ее руку.

Когда «братья» во главе с Хамом выходили в холл, старик энергично уверял Еву, что ему уже 99 лет, но что ясновидящая балканка предсказала ему, что жить он будет до 112 лет и что в последние годы возвратится к активной политической деятельности.

– Это и есть осколок от рос-парламента? – с коротенькой усмешкой спросил Хам рядом идущего.

– Да. Из дворянского... – начал было тот, но Хам прервал:

– Из дрянского. Не произносите при мне подобного, тошнит.

...После короткого перекура Хам напомнил:

– Пора?

– Пожалуй, – согласились с ним. Теперь и мужчины, и женщины – вперемежку – сели вокруг стола. И старик с помощью Евы добрался, приплясывая, до стула. На стол опрокинули блюдо из черного фарфора, рядом тарелку того же качества. Освещение свели до полумрака.

– Начинайте, гроссмейстер, – обратился Хам к соседу слева и передал ему черную салфетку. – Жанну... Жанну, – уже с дрожью в голосе подтвердил Хам. – Вопрос: «*Что делать?*»

Гроссмейстер записал вопрос на двух полосочках бумаги, спрятал одну из них под блюдо, другую – под тарелку.

– Руки на стол, – глухим отрешенным голосом приказал он и в то же время накрыл тарелку и сунул ладошки под край салфетки. – Ноги от пола, – все так же глухо приказал гроссмейстер. Затем он наговаривал что-то непонятное. – Руки на голову. – В общей тишине звучало с хрипотой лишь напряженное дыхание старика. И тогда уже на понятном языке гроссмейстер заклил Жанну явиться.

И, нервно напряженные, все одновременно ощутили, как по комнате растекся запах серы и селитры. Запах сгущался, и уже казалось, дымком окутывает стол. Гроссмейстер бесшумно убрал из-под черной салфетки руки, и в тот же момент стол качнулся, стукнул по паркету ножками. Послышался вздох или шорох чьего-то постороннего присутствия.

– Заклинаю, ответь, – робко произнес гроссмейстер. Повернул тарелку, полосочки с вопросом там не оказалось, он поставил тарелку на доньшко блюда и воздел руки. Тотчас как в шелесте листвы или крыльев прозвучал неопределенного рода голос:

– Разъединяй.

И все. Чьего-то присутствия уже не ощущалось. Карл взбаламутился, закричал, прыгнув с плеча на стол, хлопал крыльями и метался.

– Узнал, узнал, Карлуша, узнал чертенюк... иди, иди ко мне, – растроганный, звал Хам. – Все расслабились, заняли обычные позы, ярче осветилась комната. – Ах, чертенюк, узнал... У меня и у самого горячая слеза выкатилась.

– Кхе, кхе, – с сухим покашливанием заговорил старик, – ежели разделяй, – он поглаживал бородку снизу, от шеи, – стало быть, и властвуй: разделяй и властвуй.

– Не разделяй, разъединяй, – внушительно поправил рядом сидящий, – разъединяй, а это уже другая субстанция, иной субстрат.

– Да, разъедини. – Хам улыбнулся и прикрыл глазки. – Ах, одно слово, но какое! Умница! – взволнованно восхитился Хам, и все за столом восхитились. Лишь старик, целясь лупой, теперь пытался погладить Карла, но Карл отбивался крылом и угрожающе щелкал клювом. Не удовлетворив и здесь своих желаний, старик предложил:

– Господа, а теперь бы Гришу, то есть Григория Распутина. Пре-е-любопытный был человек... Вот и вопросик. – Старик пошаркивал по столу бумажечкой с вопросом: «*Куда заведет нынешняя политика?*»

Все переглянулись, но старик был нужен, поэтому возражений не последовало: Гришу так Гришу.

Процедура повторилась. Когда же вновь растекся серный угар, прозвучало заклинание, неопределенного рода голос произнес членораздельно:

– Ба-бу.

– Дора, – тихо назвал гроссмейстер. Из-за стола поднялась женщина и вышла, но вскоре явилась обнаженная и взлезла ногами на стул. Но опять, лишь раздраженнее:

– Ба-бу!

– Эва.

Взлезла на стул и Ева... После нового заклинания гроссмейстера все тот же голос ответил на вопрос такой нецензурщиной, что долго звенело в ушах оскорбительное слово, как пощечина.

– Недурной, однако, вкус у этого варвара-самоеда, – с усмешечкой сказал Хам и похлопал Еву по ножке. А старик, тщетно пытаясь разглядеть Еву в лупу, твердил:

– Это он, это он, он так бы и ответил. Кхе, кхе...

16

Во время изнурительных экспериментов, когда одна микромодель заменялась другой, но и другая оказывалась мертвой, Неверов, казалось, нередко попадал в тупик. Но именно в этот период вызревала теория: из гипотез вытекали гипотезы, из догадок догадки, и все это в причудливых и невероятных сочетаниях укладывалось в новую науку о мировых запасах блуждающей энергии, в науку, даже название которой не было еще определено и сформулировано. И самое, казалось, волнительное и радостное для Неверова заключилось в том, что он ясно прослеживал последовательную взаимосвязь с тем, над чем всю жизнь трудился Скобелев-Волобуев: значит, и он, и они вместе были правы, когда необузданно фантазировали, конструировали самые невероятные теории и догадки, так что самим порой все те теории и догадки казались нелепостью.

Ради продолжения теоретических изысканий Неверов был готов пожертвовать всем, отрешиться от всего. Он и отрешался, что не замедляло сказываться на изысканиях практических. Государственные представители понимали это, но высказывать претензии не решались. А Неверов все чаще отвлекался, а однажды в ответственный момент он даже прервал командировку – в сопровождении Ткачика и Рубцова улетел в Москву. Ему позволялось все.

* * *

К подъезду дома 144 г его доставили поздно вечером...

Навстречу в прихожую выскочил Хам с необычным запозданием – в белой рубашечке, но без бабочки и жилетки, а вместо ермолки на голове торчал высокий белый колпак, не то поварской, не то медицинский.

– О, мой академик... так неожиданно... что-нибудь случилось? Здоров ли? А то ведь и ящур, и холера шлещутся...

Но Неверов точно не замечал его, он, действительно, не замечал его, потому что преследовало единое желание – остаться наедине с собой за письменным столом, наедине... Он уже пересек гостиную, когда вдруг повернулся в сторону комнат Хама. За нерв, видимо, зацепила полуоткрытая дверь, которая обычно бывала закрытой.

Неверов на мгновение замер, затем как спросонок тряхнул головой – необыкновенная картина предстала перед взором: на стульях плечом к плечу в ряд сидели полуобнаженные женщины, точнее – почему-то в ночных сорочках; трудно было понять, какого они возраста. Хам помалкивал. Неверов подошел к двери, открыл ее тычком и опять тряхнул головой. На лица женщин были надеты какие-то ребристые стягивающие маски, а к носам подвешены стального цвета груши величиною с детскую головку.

– Что это? – рассеянно спросил Неверов.

– Ах, мой академик, – манерно ежась, заговорил Хам. – Эти дурехи пожелали стать красивыми. Вот я им и правлю носики, они у них имели вид пороссячий... А я когда-то бывал и магистром красоты, вспомнил практику. Ах, эти стервы ли не уговорят, они мертвого уломают!

«Стервы» как одна закивали головами: так, мол, точно так оно и есть – уломали.

– Любопытно, – все так же рассеянно согласился Неверов. – Когда процесс завершится, пригласите меня... любопытно. – И уже забыв о «дурехах» и «стервах», он стремительно прошел к себе. Карл на ходу взлетел на плечо, а Ева – она рукодельничала в столовой – усмехнулась вслед Ивану: он даже не заметил ее присутствия, даже не поздоровался... Вскоре на кухне запела кофейная мельница, на газовой плите зашумела в чайнике вода...

Хам осторожно протиснулся в приоткрытую дверь. Повертев кабачком, он резко взмахнул рукой – знак. «Карл!» – вскрикнул ворон. Неверов очнулся, а Хам тем временем призывно залепетал:

– Иван Андреевич, пожалуйста, готовы...

– Что еще? – хмурясь, переспросил Неверов.

– Готовы, говорю, дурахи, для смотра выстроены... Ну, красавицы мои, говорю, к смотру во фрунте. Взглянуть извольте.

Видимо, вспомнив нелепых пациенток, Неверов усмехнулся и резко поднялся из-за стола.

Хам наперед выскочил в холл и торжественно объявил:

– Доктор Пророков! Улыбочку!

Теперь, без намордников, было ясно, что каждая из этих женщин не старше двадцати пяти лет. Все они улыбались, точнее, пытались изобразить улыбку. Их физиономии еще не оправились от масок.

Неверов надел очки и невольно засмеялся: носы пациенток как массивные сизые колбаски свисали до подбородка.

– Так и останется? – поинтересовался он.

– О нет, профессор, то есть доктор. – Хам плутовато подмигнул. – Цвет изменится – порозовеют.

– А это дело? – от лба к подбородку движением руки Неверов очертил дугу.

– Это дело? Это дело даст осадку: до верхней губы ниточка в ниточку.

Неверов пристально посмотрел на Хама, затем на ошарашенных девиц и с несвойственной ему иронией спросил:

– А вы что, магистр, творите по своему образу и подобию?

– Такова их воля! – парировал Хам и свирепо зыркнул на красавиц: те охотно закивали – так точно, наша воля.

Однако Неверов уже снял очки, тронул пальцами глаза, затем легонько сдавил виски, невнятно заключив:

– Качественное проявление внутренней энергии частиц. – И ушел, опухнув ветерком вспотевшего, но благоговейно улыбающегося Хама.

17

Девочки четырнадцати-пятнадцати лет стояли рядком, спокойно ожидая продолжения занятий. Но Ева с Хамом будто забыли о них.

– Поймите, – раздумчиво продолжала Ева, – уже пять лет я числюсь его женой, пять лет торчу я в этом тереме. Я уже начала дурнеть...

– Эва, тебе позволено когда угодно и куда угодно, – возразил Хам и нервно переложил на груди руки.

Ева сидела в кресле, подогнув на сторону под себя ноги, Хам полусидел на подлокотнике. По выражению его лица было ясно, что темой разговора он давно пресытился.

– Но у меня сын. – Хам промолчал, лишь поморщился. – Даже не в этом дело. Я женщина, а он за пять лет замечал меня десяток раз... хотя для меня он давно уже не безразличен и я хотела бы жить иначе.

Хам скептически хмыкнул.

– Ну, это уже совсем лишнее...

Ева жестом руки прервала разговор и обратилась к девочкам:

– Итак, сестрички, муж пришел со службы, он устал, может быть чем-то или кем-то расстроен. Вы предлагаете ему вина, кофе, чая, воды, молока и т. д. Вы должны сделать это так, чтобы взглядом, жестом, улыбкой или неуловимым движением тела тотчас сокрушить все сомнения, стряхнуть усталость, чтобы он не хотел, да улыбнулся, чтобы в вас тотчас увидел единственное свое утешение, хранительницу очага и благополучия, верного друга. Душа ваша может оставаться холодной и безразличной, но внешне... Итак, начали.

Девочки-сестрички цепочкой скользнули на кухню, и только тогда Хам продолжил фразу:

– ...совсем лишнее. Ты забываешь свою миссию, необходимо вспомнить. – Хам закатил глазки. – Ты видишь – затяжка. Он гений. Но идет процесс, поэтому он неменяемый, ну, еще год, два... А жить иначе: любовь, ласка – это таким в диковинку. – Он кивнул на первую появившуюся из кухни девочку с фужером воды, небрежно усмехнулся и закончил холодно и строго: – Эва, так должно быть, так будет.

– Так есть, – вздохнув, печально подтвердила Ева, но тотчас почти гневно сказала: – Нинель, ты что, отраву несешь или нищему кусок хлеба?! Где осанка, где изящество, такт, нежность?!

Нинель не вздрогнула, напротив, кокетливо повела плечиком, изящно выгнулась ее рука, доверительно улыбнувшись, она склонилась к столику и только тогда, взметнув брови, одарила старших любящим, с поволокой взглядом.

– Вот так, – оценила Ева. Но уже шла следующая сестричка.

– Пластика, пластика, – заметил Хам. – И ножки высоко не поднимай, чувствуй так, будто ножки твои устали.

– Играй, играй талией! – Это уже Ева...

Затем последовало задание: завязать на шее мужа галстук.

– Девочки явно преуспевают, – почмокав губами, отметил Хам.

– Что-то он отвлекается от главного, – упрямо продолжила свою мысль Ева. – Опять... туманы.

– Эва, это и хорошо, – снисходительно успокоил Хам. – УП, когда он будет готов, окажется всего лишь пугалом. Как у козла рога. Увы, здесь рога, там рога. А в этой речке утром рано утонули два барана. – Он самодовольно ухмыльнулся. – А вот эти самые туманы и могут стать архигениальными. А гениальное до-о-о-лго в архивах пылится...

– А если только туманы?

– Тогда достаточно того, что есть, – игриво пропел Хам.

– Ах, ладно, поживем – увидим... Ну что ты, Вилена, на шее что ты виснешь! Или сама себя галстуком вообразила? Умному мужчине всегда в тягость, если жена балластом на шее. Это не эмоции. Бедром, ножкой, грудью коснись – обожги, ошпарь, чтобы у него появилось желание тотчас обнять тебя... Нет, нет, не годится, не чересчур, иначе будет слишком вульгарно, сексуально, а это тот же балласт – муж же не сутенер и не самец... Мила, Мила, тебе лучше использовать грудь, ты невысокая, тянешься к нему – и обжигаешь. Правильно, в этом случае лучше открытый воротник.

– Милка, пожалуй, подойдет Волгину, да, пожалуй, – размыслил вслух Хам.

– Шире, шире локти, чтобы грудь была доступной!

Прерывисто загудел телефон. Помедлив, Хам снял трубку.

– Понял, – коротко ответил он и, замыкая аппарат, сказал: – Пророк выехал.

Ева поднялась из кресла.

– Заканчиваем, сестрички, – объявила она. – Послезавтра в это же время. Тема: вопросы половой гигиены. Полистайте памятки.

Все так же цепочкой, изящно отвешивая реверансы, девочки-сестрички бесшумно уплыли в прихожую.

18

И пришла победа на восьмом году: теория материализовалась – модель конструкции Неверова – Шлакбаумова ожила. Дело ускорило, когда генеральным конструктором УП-1 был утвержден именно Шлакбаумов.

Человек далеко даже не третьей молодости, Шлакбаумов оставался по-юношески энергичным и юрким. Из всех, с кем общался Неверов, это был наиболее хваткий и эрудированный технарь. «Неверов – Шлакбаумов – первый тандем», – в год олимпийских игр шутили коллеги – те, что помоложе.

И хотя началом источника энергии служил общеизвестный распад, все-таки самовосполнение, сравнительная неиссякаемость источника являлись принципиально новым открытием. Но даже такая победа не радовала Неверова. Он пережил все это в мыслях своих и ушел далеко вперед. Его поздравляли, ему пожимали руки, его обнимали, везли на различные приемы и торжества, на грудь прикалывали звездочки и ордена, а он так и жил одиноким и отрешенным.

* * *

...Неверов закурил, опустил в карман газовую зажигалку и грузно пошел вверх по лестнице – и впервые он вот так вдруг ощутил, что поднимается по лестнице с трудом, даже в глазах рябит. Переведя дыхание, он вскинул взгляд на дверь, механически прочел табличку с фамилией «Пророков», поморщился и – странно – пошел назад, вниз.

А на дворе работала очередная осень. Дул ветер. Темные в грязно-белой оправе тучи волоклись по небу, но дождь проходил стороной. И когда ветер сквозил низом по асфальту, листья, наметенные под кустарник, шумели металлически холодно.

Совсем рядом за панельными домами текла городская жизнь, а здесь было тихо и даже по-осеннему сиротливо. Как на необитаемом острове в океане.

Неверов понуро свернул на площадку. Площадка была засыпана белым зернистым песком и со всех сторон ограждена заставой кустарника. Сел на скамью. Портфель поставил рядом с массивной чугунной львиной лапой – это была старая дореволюционная скамья, такую не сдвинешь, не опрокинешь. Некто, проектируя скамью, рассчитывал, видимо, на вечность. Еще одна такая же, на львиных лапах, стояла здесь же на площадке – напротив.

Изучая Неверова со стороны, можно было решить безошибочно – человек устал, человек в прострации, а ошибочно – человек изрядно выпил. Выглядел он много старше своих тридцати четырех лет, хотя и то было ясно, стоит человеку отдохнуть, «отрезвиться», посвежесть – и будет он выглядеть, может быть, и моложе своих лет.

Облокотившись на колени, Неверов курил и, казалось, бездумно глядел себе под ноги. Одни за другим прокатывались или проплывали мимо гонимые под кустарник летошние листья. Неверов провожал их глазами, а в мыслях бескрайние потоки невидимых частиц и видимых предметов перевоплощались в бескрайние потоки энергии. Все внешнее – энергия. Сплошной энергетический океан – недоказанный и неразгаданный.

Еще в начальной школе как-то по-особому восприняв понятие энергии, а позднее опять-таки особо закон сохранения энергии, уже подростком он был до крайности поражен и удивлен – сколько же вокруг этой энергии! Бывало, он шурился – в глазах проплывали радужные мельтешащие цепочки – и готов был верить, что воочию видит таинственную энергию, настолько велико было удивление. Прошли годы, десятилетия, но удивление не прошло, напротив, окрепло – и теперь уже академик Неверов-Пророков продолжал удивляться и поражаться. Исчезла детская абстрактность, но не щурясь он видел океаны и бури энергии вселенной. Упо-

ительно музыкальными были минуты, когда он вдруг ощущал себя одиноким, как бы единственным разумным существом в энергетическом хаосе.

Резче дунул ветер. С одинокого клена сорвало зависевшийся одинокий лист. Желто-красный, он долго планировал в воздухе, а затем, вращаясь вокруг своей оси, как вертолет опустился и лег к ногам.

«Ладонь, – неожиданно сравнил Неверов и уточнил: – Женская ладонь». – Он склонил голову налево, направо, добродушно улыбнулся кленовой ладони; и в то же время услышал голоса – говорили мать и дочь:

– Мамочка, ты замерзла, мамочка, поедем домой, – шепотом умоляла девочка.

– Подожди немножко, стой, – торопливо ответила женщина. И не то всхлипывание, не то грудной простудный посвист донесся до слуха! Неверов прислушался. Через некоторое время диалог повторился...

Под нависшими ветвями удивительно зеленой сирени на скамье напротив сидела женщина в темном легком плаще, в вязаном берете. Рядом стояла девочка – худенькая, рослая. На ней был тоже вязаный розовый берет, такой же редкой вязки шарф, коротенькое осеннее пальтишко. С минуту Неверов и женщина смотрели друг на друга. Неверов ощутил неловкость и уже перевел было взгляд на кленовую ладонь, когда женщина не то виновато улыбнулась, не то болезненно сморщилась и, коротко вздернув голову, сказала:

– Здравствуйте, Иван Андреевич.

Неверов машинально оглянулся по сторонам, но рядом никого не было.

– Не узнаете... Иван Андреевич. – И опять виновато улыбнулась. Теперь и девочка повернулась к нему, насупившись, она смотрела исподлобья.

И вдруг – осенило:

– Да неужели? – Неверов поднялся со скамьи, шагнул навстречу. – Ведь это вы – Катя.

– Это мы... узнали.

– Здравствуйте, – Неверов неуверенно протянул руку. – Неужели? Да неужели это та маленькая дочка? – он не выпускал из своей ладони холодную ладошку Кати.

– Да... Наташа большая. Во второй класс ходит и учится отлично.

– Сколько же лет я не видел вас...

– Пять уже, даже больше, – поспешно ответила Катя.

– Надо же... Как вы здесь оказались? А вы, Катя, действительно, дрожите. Простудитесь...

– Нет, ничего, это так, пройдет. – Суетливо, непослушными руками она вынула из сумочки давнишнюю визитную карточку Пророкова. – Вот, – и предложила карточку, как бы оправдывая свой визит. – Мы, то есть я, Иван Андреевич, к вам я, Иван Андреевич, посоветоваться хотела, Иван Андреевич, вот по части Наташи...

Наташа вовсе сбьчилась.

– Ко мне?! – Неверов и руки развел. – Помилуйте, так что же вы сразу не сказали?! Пожалуйста, прошу. Вот здесь мы и живем, да, здесь, и номер указан – 144 г.

Неверов оживленно жестикулировал рукой, как если бы вел глухонемых. Катя тихо засмеялась:

– Иван Андреевич, портфель забыли.

–..лице, – внятно произнесла Наташа.

– Что, что? – Неверов склонился к девочке, но пояснила мать:

– Это она так поправляет, значит, надо было сказать «портфелище».

– Портфелище. Славно, славно, прелюбопытно, – согласился Неверов и опять было забыл про портфель. – Склероз, – он безнадежно махнул рукой и только теперь понял, что в руке его визитная карточка – новенькая, сохраненная, как будто только что оттиснутая. – Доктор... Пророков, – прочел он вслух. – Не точно, да, устарела...

И уже на лестничной площадке второго этажа он приложил карточку к табличке.

– Я же говорил. Академик, да, академик, удивительно, сам никак не привыкну, но академик.

С животным страхом смотрела Катя на Неверова.

– Да как же это так – академик? В ваши-то лета, Иван Андреевич, как же это, а?

– И сам не знаю, Катя, честное слово, не знаю. Академик... Да что же мы стоим! – спохватился академик, начал искать ключи, но дверь бесшумно отворилась.

– Катька! – с естественной развязностью воскликнул Хам. Но Неверов так энергично взглянул на него, что Хам, показалось, даже присел в страхе – и уже тотчас рассыпался суетливым бисером: – Катюша, Катенька, Катюшечка, дочушечка, проходите, ах, маленькая, ах, крошечка, а как же тебя зовут? Наташа! Пальтишечко сюда, вот так... – И раздеться помог, и подставил под ноги теплые домашние туфли. А Неверов сверху наблюдал за Хамом и усмехался:

– Ах, Хам, Хам, неисправимый. Тебя только могила исправит.

– А я, мой президент, того – могил не признаю! – радостно выпалил Хам, вскакнул на табуреточку, помог Неверову раздеться, подхватил его тяжелый портфелище и чинно двинулся вперед, продолжая трещать: – А я скучаю, я – одни. Ева с Франчиком на чаепитии в гостях. А я один. Сиюминутно каминчик, того, засмолим, я и чурочек припас – жду, и вода кипит – кофейку, кофейку, да и винца можно в честь гостюшек...

С камина приветственно громко крикнул Карл.

– А я тебя помню, – смущенно призналась Наташа. Глаза ее так и запоблескивали, точно встретила она сказочного героя. – Тебя зовут Карлом?

– Ну, отвечай, как тебя зовут? – обратился к ворону Неверов.

– Карл! – крикнул ворон, взмахивая крыльями...

Камин ожил. Сухие березовые полешки упруго и радостно потрескивали. Хам проворно накрыл на стол, не забыв он выставить и бутылочку красного подогретого вина, и пирожное для Наташи. Он уже откинул руку, чтобы пригласить к столу, когда Катя полушепотом спросила:

– А там, Иван Андреевич, соседи, да?

– Нет, все наше! – Неверов засмеялся и тотчас повел гостей в свои комнаты.

– Ой, ой, а книг, а книг! – доносились почти испуганные возгласы Кати.

Действительно, книги давно уже вышли за пределы кабинета, так что и гостиная фактически превратилась в библиотеку.

– Какая у вас большая квартира! А потолки, потолки! – изумлялась Катя и по возвращении в столовую. А Хам тут как тут:

– О, это не все, нет, Катенька! – он вопросительно глянул на Неверова. – Мне желательно похвалиться своими апартаментами тоже?

– Похвались, похвались, – согласился Неверов, усаживая за стол Наташу. А Хам так и заюлил вокруг Кати; и все сбочку, сбочку, все наперед, как петух перед курицей... И здесь Катя восхищалась. Неожиданно без тени улыбки Хам сказал:

– Катька, смотри, ни слова про Наташку. Враз загубишь, не время, он занят. – Хам закатил к потолку глазки. – Проблема мировой важности: день пропал – и голову снимут. В академии не за красивые глазки посвящают. Думай.

– Нет, нет, нет, – зашептала Катя и мелко-мелко запотряхивала головой, мол, понимаю.

– Деньжат надо – скажи. А то и не говори, я сам выделю.

– Нет, нет, нет, – опять испуганно зашептала Катя.

– Вот так и живем, ничего живем! – воскликнул весело Хам и похлопал Катю по спине.

И вновь тихо: – Деньжат я подброшу. Я ведь знаю, что твой летун отлетался и ты под окнами не первый раз отираешься, – все знаю... Вот так и живем!..

Нет, Хам не сел вместе с гостями за стол; он опекал их, предупреждая малейшее желание. А когда поужинали и осталось вино и кофе, он ловко отделил от стола Наташу, усадил ее в

кресло перед камином, принес книги с картинками из жизни животных, увлек ее, а сам исчез. Он был здесь, но был так, что его не замечали, вернее, замечали, но так же, как Карла, как камин, как вино или фрукты на столе.

Катя отогрелась, на ее бледных щеках проступил румянец, недоумение и робость в глазах сменились восторженностью и скрытым ликованием.

– Я давно собиралась к вам, Иван Андреевич, да все не решалась как-то.

– Что вы, в любое время к ужину, пожалуйста, – стараясь непринужденнее и бодрее, отвечал Неверов, но чувствовал, как все тело его наливается непомерной тяжестью. – У вас ко мне вопрос?

– Да нет, Иван Андреевич, не вопрос, а посоветоваться я, Иван Андреевич, хотела бы...

– Я готов, слушаю, – выражая внимание, Неверов склонил голову, а у самого глаза под веки уплывали.

– Дочка вот, Иван Андреевич, умница, отличница она, Иван Андреевич. Во второй класс ходит, а учительница говорит, Иван Андреевич, что ее хоть теперь в третий класс можно бы перевести. Умница она, Иван Андреевич. Учительница говорит, школы есть особые для детей способных. Так вот не могли бы вы, Иван Андреевич, посодействовать, в особую школу Наташу определить бы?

– Это хорошо, это очень хорошо... Какова же ее специализация? Простите, простите, – спохватился он. – То есть чем она увлекается? – Неверов поерзал на стуле, не понимая, чего же ему не хватает. Зато понимал Хам, он давно уже засек неудобство и ждал лишь момента, чтобы пересадить академика из стула в кресло.

– Да она, Иван Андреевич, всем увлекается, но особо птиц любит, бабочек, жуков – она их всех по-латыни знает...

– Значит, биолог. – Неверов механически на короткое время поднялся со стула, но этого было вполне достаточно: Хам мгновенно сменил стул на кресло. Неверов закурил, сел в кресло, откинулся на спинку, положил руку на подлокотник и облегченно вздохнул: – Значит, биолог. Впрочем, ни один ученый не обошел живую материю, то есть живую форму материи. Биология для начала тем и привлекательна, что предоставляет в распоряжение естественную лабораторию. Окружающая среда с детства под руками. Это хорошо. – И вдруг он понял, что, собственно, и не знает, чем может помочь Кате, – как, каким образом? Он скорее помог бы одаренному кандидату наук, а не девочке-второкласснице. Поняв это, он обеспокоенно взглянул на Хама. И Хам не заставил ждать.

– О мой президент! – Быстро и аккуратно Хам наполнил вином высокие рюмки. – И не думайте о пустяках! Пока вы с Катенькой допьете винцо из этих изумительных хох-рюмок, все будет в ажуре! – Он вскинул руку ладонь вперед: – Тихо, никаких возражений, не принимаю.

– Сделай милость, – приятельски одобрил Неверов. А Хам уже взвинчивал диск телефонного аппарата.

– Але, это я – с улицы графа Толстого, – отрекомендовался Хам. – Да. Выслушайте, отвечать опосля будете! – внушительно предупредил он. Неверов с усмешкой кивнул Кате: знай, мол, Хама! – Так вот, любезный, есть девочка-вундердита, уклон – естественные науки. Будущее человечества. Открытие академика Пророкова. Учится во втором классе. Так вот, скажите мне, любезный, а я запишу, в какой спецшколе ее будут учить? Так, так, теперь вы мямлите, а надо конкретно отвечать, конкретно! – повысил голос Хам, а сам подмигнул Неверову, который беззвучно смеялся и от удивления лишь головой крутил. – Итак, записываю... С изучением латыни? Ничего, она и без вас эту мертвечину освоила... Директор Бродский? Стоп. Меня он не интересуется, по мне хоть Брем. Точка. Кладу трубку. – Сияющий Хам повернулся к столу: – Все. Точка. Э-э-э, а винцо-то не выпили. Что я говорил?! Хоть завтра – в спецшколу, – пояснил он Кате, но та, слыша район, где находится школа, опечалилась:

– Это так далеко, так далеко от нас. Несколько пересадок, а я ведь работаю, я ведь не смогу провожать, а она мала...

– Ах, проблема, ах, проблема, – дурашливо закудахтал Хам, но тотчас же серьезно доложил Неверову: – Знаю я эту школу, и директора знаю – долборез в науке, но хозяйственник неплохой, со связями, на оборудование гроши вышибать умеет. Занятия там проводятся в одну смену. – Далее он обращался и к Кате: – Следовательно, распорядок таков: Таричан везет Ивана Андреевича на службу, затем отвозит нашу биологиню в школу. Ну а домой доставить проще простого. Когда же машина будет круглосуточно под Пророковым, наша биологиня получает творческий день – достаточно по телефону звякнуть в школу. Надеюсь, у вас телефон есть... Нет. Ничего, завтра будет. Ну, каков я?! – Хам победно вскинул голову, считая, что за «Катку» он реабилитировался сполна. После бурных похвал и восклицаний в его адрес Хам позволил себе рюмочку винца. И вновь его не стало, то есть стал он неприметным...

Неверов слушал, отвечал, а тяжелые веки смыкались, голова прерывисто клонила, а в сознании уже зарождались и плыли полубредовые мысли и видения из мира абстрактных снов.

– Наверно, мы пойдем, Иван Андреевич отдыхать будут, – шепнула Катя в сторону Хама и дочери, но Хам и ухом не повел. Зато Неверов тотчас встрепенулся:

– Нет, нет, не уходите... с вами мне даже хорошо. Правда, я невыносимо устал, не сегодня, вообще устал. – Он усмехнулся. – Стариковская усталость.

– Вы, Иван Андреевич, очень изменились... и глаза ввалились, и морщины, а уж седой до крайности. Беречь себя надо, а перво-наперво режим строго соблюдайте.

– М-да, все мы режим соблюдаем: бежим, бежим, а на пути режим, оббежим режим и снова бежим... Когда все бегут, обгоняют друг друга, и ученому непозволительно шажком ходить. Не спи две ночи подряд, и никто не скажет: соблюдайте режим. Все дела, все спешные дела. – Неверов пододвинул Кате вазу с фруктами. – Вы ешьте, Катя, ешьте, это очень вкусно – из Туркмении привезли... Как хорошо, что именно сегодня вы у нас в гостях. Вообще мы затворники, у нас редко кто бывает. А у вас, Катя, муж ведь, помнится, летчик?

Катя потупилась, тщательно разглаживая уголок кофты, прерывисто вздохнула.

– Нет, Иван Андреевич, нет его, – тихо ответила она. – Вдвоем мы, с дочкой. Два года как схоронили мы его.

– Вот как, – Неверов смущенно сник. – Извините, я ведь не знал.

– Как тогда его полечили, так после вроде и ничего: и пить не пил, и не хулиганил, а какой-то тихий стал, вдумчивый, все хмурился. И домой, на родину часто звал. А мне дочку хотелось выучить здесь, да и привычка, да и квартиру жаль... А в последний год вовсе сохнуть начал. Работу бросил, уехал к себе на Рязанщину, а через неделю враз и на тебе – телеграмма: умер. Там и похоронили...

– Да, да, – неопределенно согласился Неверов. – Тут уж никуда не денешься. Как говорится, мировой химический процесс... В нем был дух, в нем была сила, энергия, энергия и от распада, даже ее часть мигрирует в блуждающую массу... – И вновь спохватился: – Вы уж не особо убивайтесь, у вас ведь дочка.

– Спасибо, Иван Андреевич, уже свиклось, два года минуло. – Катя улыбнулась, как будто освободилась от страданий, пережила боль. – Вы себя берегите, Иван Андреевич. Отдохнуть бы вам надо. Взяли бы отпуск, родных бы навестили, детство бы вспомнили...

Неверов с удивлением взглянул на Катю.

– Ах, Катя, Катя, добрая Катя, – губы Кати мелко задрожали, она еле сдержала слезы. – Какой отпуск, да и что это значит – отпуск?.. А потом, родителей у меня давно нет и родственников, наверно, тоже нет. У меня все здесь, и родина для меня – все наши штаты и дальше. – Неверов засмеялся более естественно и звучно. – Меня бы точнее Колесовым звать или Дорожным. Я ведь родился в вагоне – в квартире на колесах – между Самарой и Оренбургом. Так что

мне и ехать некуда... А, право, любопытно, напишут в некрологе: родился между Оренбургом и Самарой на двести двадцатой версте.

– Нет, Иван Андреевич, это совсем и не смешно, это грустно, – уверенно возразила Катя. – У каждого человека должно быть чуточку родной земли. Человек должен сознавать, что есть у него родной уголок. А иначе и Родину не полюбишь, ну как любить такое большое государство? – она даже смутилась перед своим открытием. – А без любви да без родины посторонним, сиротой сделаешься.

– Не понимаю. Не знаю, как любить родину, государство или там штаты? Надо любить дело, свое дело, а остальное – так, само собою... Вот если бы меня перебросить, ну, скажем, в Антарктиду, но вместе со своими делами, с институтом, я и там точно так же буду жить, но если здесь оторвать от меня дело, с институтом и прочим, то я погибну – распадусь.

Катя снисходительно улыбнулась.

– Это, Иван Андреевич, пока. Это пока вы физически здоровы и живете внутри науки.

– Хорошо сказано: внутри науки. Именно внутри... А как же иначе?! – Неверов, казалось, окончательно взбодрился. – Земля для человека – место временное, человек – микроэлемент вселенной. Да, да, и не сомневайтесь. Когда мы познаем законы образования и передвижения макроэнергии – более материальная связь в пространстве уже доказана, – тогда, возможно, без труда человек будет совершать прогулки в иные миры. Да, Катя, и не настолько уж глупо утверждение, что человек вечен. Может быть, это звучит и абстрактно, но поверьте, не исключена вероятность, что мы, ну, через миллион лет, с вами встретимся, хотя бы особями иного вида...

– Иван Андреевич, Иван Андреевич, вы счастливый, вы и теперь можете гулять где угодно. Но, честное слово, и тот человек счастлив, у которого возможности такой нет, но есть другое: родина, с которой он роднится, постоянно чувствует это родство, – это тоже счастье, маленькое земное счастье...

– Возможно, – вяло согласился Неверов. Он прикрыл глаза и болезненно потряс головой. – Эх, как я устал, устал смертельно...

Катя поднялась со стула и нерешительно подошла к Неверову.

– Вы, действительно, устали, Иван Андреевич, у вас очень усталый вид, Иван Андреевич. Берегите себя, Иван Андреевич, – верной рукой она тронула его плечо, он положил свою ладонь на ее запястье и сказал признательно:

– Спасибо вам, Катя, спасибо, но пока иначе никак нельзя. Не знаю, как иначе.

Она подбадривающе тряхнула головой и обратилась уже к дочери:

– Наташа, пора домой, уже поздно. А нам ведь еще добираться.

– Ну, добираться 20 минут, – успокоил Неверов, поднялся из кресла – рука Кати беспомощно болтнулась с его плеча.

– Что вы, двадцать минут автобуса прождешь да ехать час. – Катя подошла к дочери, а Хам тотчас юркнул под руку Неверову.

– Мой президент, – шепнул Хам, – надо бы им пяточков подбросить, а то ваша кандидатка будет являться в спецшколу рязанской сиротой, невзрачненько как-то.

Неверов сосредоточился и быстро начал обшаривать свои карманы – пусто.

– Вот, – Хам сунул в руку вдвое сложенные полусотенные кредитки. – Пятьсот, – шепнул он, – пока хватит.

Неверов кивнул, соглашаясь, а кредитки предательски хрустнули под пальцами.

– Минуточку, минуточку, – залезбил Хам. – Минуточку, Катюшечка, я приготовлю великолепный молочный коктейль! – И он мгновенно усадил всех за стол. – Всего минуточку! – Но прежде чем скрыться на кухню, он снял трубку с телефона и набрал номер. – Таричан. Машину сей момент...

Неверов только руками всплеснул – как же это сам он не догадался отправить их с Таричаном!

– Вы знаете, Катя, честное слово, я бы погиб без Хама. Не голова а какой-то вычислительный центр – все предусмотрит! – А в руке опять предательски хрустнули кредитки. – Катя, – начал он точно объяснение в любви, – не отказывайтесь, иначе я крайне огорчусь. Мне это ничего не составит. Дело в том, что Наташа, да, Наташа вроде бы мне теперь как родственница, мой кандидат. В общем, вот для нее... на первый случай, – и Неверов сунул ей в руку деньги. Бедная Катя механически взяла их и, опомнившись, горько заплакала.

– Иван Андреевич, Иван Андреевич, зачем вы так, Иван Андреевич, не надо, Иван Андреевич... поцелуйте Наташу, Иван Андреевич, поцелуйте ее – и все.

Неверов совсем смешался, и трудно сказать, как бы все обошлось если бы не Хам. Он угрем выскользнул из кухни, заприплясывал, закрутился вокруг стола, и уже через минуту все успокоились, заулыбались, с удовольствием потягивая пенистый холодный коктейль.

* * *

Неверов так и сидел за столом, обхватив голову руками. Хам передал гостей Таричану и возвратился в столовую.

– Иван Андреевич, – тихонько пропел он, – Иван Андреевич, может быть, баю-бай?

Неверов промолчал. Налил большую рюмку вина и Хаму налил.

– Я не могу так, не могу. Я устал, понимаешь, устал.

– Понимаю, – доверительно согласился Хам, – вполне понимаю. Значит, пора передохнуть. Плюнь, Пророков, на все и отдохни. Главное – плюнь.

– Легко сказать, а как...

– А вот так. – И Хам, сложив губы в трубочку, звучно и резко плюнул в камин, так что поднялось облачко пепла. – Вот так. Пардон, я – отдыхать.

– Хочу в Италию!..

– Ню, ню, ню, – присюсюкнул Хам. – Куда захотел Иван Андреевич. А может быть, в Салоники или Никосию? Даже Пророкову – туда нельзя. Катьку хоть в Пентагон, Неверова – нет.

– Пожалуй, – Неверов вздохнул. – Да и какой отдых, когда впереди главное.

– Главное, – передразнил Хам. – Главное Пророков уже выдал. Теперь можно бы и без Пророкова, только ведь удобно на объезженной кобылке. Гла-а-вное! Позвольте мне, я завтра же объяснюсь со всеми вашими полпредами и президентами... Эх, и закатимся куда-нибудь в Пицунду! Давненько не бывал в Сухумском ботаническом...

– Нет уж, – возразил Неверов, – ты в дела казенные не надо... Хоть бы на день, на неделю куда-нибудь удрать, хоть бы журналы, новинки просмотреть...

Теперь Хам усмехнулся:

– Да, мой президент, от себя уже не удерешь – новинки просмотреть.

– Действительно... Послушай, Хам, – уже нетрезво спросил Неверов, – а у тебя родина есть?

– Есть, – охотно согласился Хам. – Где я есть – там и родина есть.

– Где же ты родился? Я вот между Оренбургом и Самарой.

– Вот и я, где живу, там не родился... Э, мой президент, эти проблемы достойны Каткиного ума.

– Не смей, – предупредил Неверов и погрозил пальцем. – Она женщина добрая, и муж у нее умер... на родине. А как она сказала: человек должен иметь родину... иначе на большую Родину любви не хватит.

– Насер, то есть нас-тоящая ер-унда. У кого не хватит, а у нас с избытком. Я вот весь шарик люблю!

Неверов засмеялся:

– У тебя, Хам, мышление космическое. Молодец, какая там родина! Мы – дети мира.

– Мы – дети мира! – восторженно подхватил Хам. – Дети вселенной! Дети солнца! – как говорил великий утопист Чернышевский.

– А вот они – другие. Что же им прикажешь – излучиться? – Неверов вторично погрозил пальцем. – Нет. Они живут и думают иначе. Им домик подавай и чтобы рябина под окном, а что за горизонтом – это уже вселенная... А все-таки, наверно, забавно иметь такую булавочную, ну, молекулярную родину, – заметно хмелея, продолжал Неверов. – Представляешь, закатывается Ванька Пророков, то есть Неверов, в свою булавочную вотчину на лимузине. И недоумевают булавочные аборигены: кто же это такой? Да это Ванька Неверов! Простите, не Ванька, а академик Пророков Иван Андреевич. И булавочная родня, разиня рты, балдеет. Но выходит наперед булавочный пращур в посконной рубахе и босой и говорит: «Выпорю, сукин сын! В булавочном царстве ты навечно приписан Ванькой Неверовым и не моги иначе никак. Ты свои академии оставь при себе, а пророком и подавно не прикидывайся. Иди-тко в дом, моя баба щами тебя накормит».

Неверов умолк, а Хам одобрительно захолопал в ладоши:

– Bravo, Иван Андреевич, bravo – изумительно и достоверно! И хватит забивать голову булавочными проблемами.

– Да. А я ведь не знаю даже, где родились мои отец с матерью. Каков, а?

– Твой отец – дитя революции, он не признавал булавочности. Он возводил мосты и строил дороги, чтобы по ним двинуть легионы на освобождение мира. Он жил мировой революцией.

Неверов откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза, усмехнулся.

– И один из возведенных им мостов рухнул при испытании на прочность и, увы, загубил Андрея Неверова. Поэтому, наверно, и не свершилась мировая революция.

– Не кощунствуйте, Пророков, мировая революция свершится, и свершите ее вы! – Хам дурашливо захихикал. – И не без моего участия, то есть под моей эгидой.

– Ню, ню, ню, – теперь прогунявил Неверов, поднялся и, покачиваясь, пошел к себе, для памяти повторяя: – Узнать, узнать, откуда мои предки... хочу в Италию.

– Ладно хоть, не на Колыму, – вслед ему проворчал Хам.

19

О далекие славные времена, о молодость, когда беспредельна протяженность жизни – впереди вечность и нет ничего непреодолимого. И скоротечна печаль, скоротечна даже смертельная усталость. Где творчество, там нет усталости. Главное... и Неверов невольно мысленно повторил слова давно ушедшего Скобелева-Волобуева: *«Главное, чтобы ты знал и был уверен, что служишь добру – всеобщему, вселенскому, космическому. Наука должна быть гуманной».*

Неверов освободился от нахлынувших было воспоминаний, оглянулся, какое-то время не в силах воспринять окружающее.

Он сидел на ящике из-под бутылок: с одной стороны деревенские домишки и дорога вдоль домишек, с другой – метрах в пятидесяти – обрывистый берег, внизу обмелевшая речушка – Валава, которая с одного конца огибает деревню, там через Валаву старенький на сваях мост. Неверов сидел посреди сельской площади между сельмагом из красного кирпича на извести и отдаленным колхозным амбаром. Перед открытыми небольшими воротами стояли весы, и кладовщик взвешивал и отпускал что-то в мешках.

Неверов поднял заступ и воткнул его рядом в землю. И тотчас как будто толчок: рука – лопата – земля. Энергия затрачена, чтобы воткнуть заступ, но затрачена не полностью, часть ее отделилась и уже влилась в энергетический океан. О, этот беспредельный океан! Запасы мировой энергии невозможно представить в исчислении. И необходимо лишь познать законы, чтобы затем брать эту энергию, используя по назначению. Сама Земля, собственное ее вращение – генератор, гигантский поток энергии. Ведь это так ясно. Пройдут столетия, и на Земле появятся установки по размерам не больше сегодняшних радиоприемников, которые будут называться энергоприемниками. Энергия будет использоваться точно так же, как сегодня радиоволны. И первый практический шаг сделан – первый примитивный блок с самовосполняющимся источником энергии действует. Самовосполнение – прямое подтверждение макроэнергетической теории... Но ведь это только жалкая попытка, а прошло столько лет.

«Сколько?! – Неверов усмехнулся. – Всего девятнадцать лет после Скобелева. Всего девятнадцать лет. А на признание теоретических открытий требовались нередко столетия...»

Опершись на заступ, Неверов поднялся. А вокруг странный, непривычный пейзаж. И это та самая родина предков, родина Неверовых с 1652 года. Вот здесь и поселился первый Неверов – на взгорке, лицом к Валаве.

Стоит на взгорке дом, точно взлететь намерен: первый год из-под топора, еще и сруб не потемнел, и наличники резные не покрашены. Хороший дом, хорошее место – и Валава рядом, и солнце в окнах с утра до заката.

С крыльца кто-то звал рукой. Так ни разу и не копнув землю, с заступом в руке Неверов не спеша пошел к дому.

– Вот эт-та вам, Иван Андреевич, – две бандерольки заказных, – встретила его почтальонша. – А я эт-та зашла – никого. Смотрю, а вон и вы. – Сумка почтовая была прикреплена к багажнику велосипеда, велосипед прислонен к крыльцу. А сама почтальонша держала в руках две бандерольки, поверх лежала открытая регистрационная тетрадь. – Вот здесь-тко, Иван Андреевич, и распишитесь... и еще внизу. Вот и все – получайте. Сразу и в сумке поубавилось. – Продолжая добродушно улыбаться, почтальонша сунула тетрадь в сумку, завалила велосипед на бок, приладилась в седло – и поехала, и дребезжал, и потенькивал сам собою звонок.

Неверов вошел в дом.

* * *

Девять лет назад, вскоре после Катиного визита, не загадывая на будущее, Неверов сделал запрос о своих родителях. А через неделю пришел ответ: «Андрей Федорович Неверов родился в 1895 году в селе Сущево Нижегородской губернии, Лысогорского уезда... София Николаевна Неверова (Чирок) родилась в 1890 году в г. Одессе...»

«Ну и что, ну и зачем?» – подумал тогда Неверов – и забыл о справке. Слишком неспокойным выдался тот год.

Когда после мучительной бессонной ночи, угнетаемый осознанной смертельной усталостью, Неверов утром заехал в лабораторию Академии наук, там его уже ждали несколько высокопоставленных коллег во главе с вице-президентом Академии. Неверова почему-то поколебала такая встреча. Не задумываясь над источником информации, он вдруг и поразил высокопоставленных коллег вопросом:

– Что, или президент скончался?

– По крайней мере десять минут назад он был в полном здравии. Почему вы так решили, Иван Андреевич? – в недоумении спросил вице-президент.

– Известно, почему, – нимало не смутившись, тотчас ответил Неверов. – В правом легком у него злокачественная опухоль.

Коллеги переглянулись. Даже президент ничего подобного в своих легких не предвидел.

Реплика Неверова перешла не то в анекдот, не то в академическую шутку. Трудно сказать, дошла ли эта «шутка» до самого президента, но, когда два месяца спустя, действительно, стало известно, что в правом легком президента обнаружена опухоль, а еще три месяца спустя его схоронили, предсказание Неверова настолько встревожило ученый мир, что при появлении Пророка обычно все умолкали – а вдруг. К словам его прислушивались, да и за действиями его с тех пор тщательно следили.

Но все это случилось позднее. А тогда, слыша, что президент жив, Неверов необыкновенно дерзко заметил:

– В таком случае почему вы собрались именно сегодня, именно здесь?!

– Что с вами, Иван Андреевич? – предупрежденный Хамом о плохом состоянии Неверова, осторожно спросил присутствующий здесь же Вишняков – доктор медицинских наук, под постоянным наблюдением которого находился Неверов.

Неверов резко было повернулся к Вишнякову, но – вздрогнул, оцепенел, слабо мыкнул и лишился сознания.

Шок объяснили переутомлением. В тот же день предписали отдых. Нервы его, очевидно, были настолько напряжены, что он вновь повторил свою полубредовую идею:

– Да, пожалуй, в Италию.

20

Италия все-таки оказалась на берегу Черного моря. Неверов с Евой заняли трехкомнатный комфортабельный номер. Рядом – по коридору дверь в дверь – поселился Ткачик.

И чудо! Потребовалось всего лишь несколько дней курортной жизни, чтобы прекратились головные боли, исчезла раздраженность. Неверов буквально с удивлением переживал свое исцеление.

Очаровала и Ева. На сей раз не женщину открыл он, а друга, чуткого доброго товарища. Он впервые сознательно наблюдал за ней: поразила ее способность подчинять свои желания и страсти воле другого, жить ради друга. Только здесь Неверов понял, что Ева и раньше не обременяла и не стесняла его – ни просьб, ни претензий. В самое подходящее время она могла что-то подсказать или замолчать, улыбнуться или сокрушенно вздохнуть, вовремя появиться и вовремя исчезнуть, а поправляя воротник свежей сорочки, могла так мило и внезапно поразить своей близостью... И только здесь Неверов понял, что в его успешной работе есть доля и ее заслуг. Не будь рядом Евы и Хама, возможно, он и половины не сделал бы из того, что уже сделано. Ведь столько лет... да, а сколько?

Ева тихо засмеялась, отвела укоризненный взгляд и печально вздохнула.

– Много, Иван Андреевич, много, Пророков, много, Ваня, лет. – И это «Ваня» было так кстати, так мило и близко прозвучало, что Неверов закрыл лицо ладонями и засмеялся, точно заплакал, повторяя:

– Много, Ваня, лет...

И еще два обстоятельства поразили за время курортной жизни.

Постоянно находясь в ученой среде, Неверов не то чтобы привык чувствовать себя равным среди равных, но в каждом из коллег он видел потенциального ученого с мировым именем, да и к нему самому коллеги относились, может быть, с подчеркнутым уважением, но не больше. А вот здесь – впервые среди расцветенной, пребывающей в лени массы – Неверов вдруг оказался в центре общего внимания.

Девочки-милашки и девочки-амазонки с книжечками в руках подобострастно немели перед ним, глаза их туманились или шалели, излучая такой блеск, как если бы перед ними явился по меньшей мере египетский фараон во всем своем языческом блеске.

Они входили в столовую, и тотчас от стола к столу восторженный шепот: «Пророков... Пророков... Пророковы». Они спускались к морю, и откуда-то из-за кустов долетало: «Пророков, Пророков с женой – гений и красавица...» А однажды, решив выпить бутылку пива, Неверов невольно выслушал несколько дифирамбических диалогов о себе:

– Ах, мамочка, тебе повезло. Как же, как же, ты видишь живого Пророка.

– Кто это, кто это?! – нетерпеливо требовал женский голосок. А Неверов подумал: у нее мелкие зубы.

– Это, о! Академик Пророков...

– Подумать, подумать только, почти мальчик, тридцать пять лет – академик первой величины!

– Кхе, вот и хорошо, что молоденький. А что под старость-то лет проку, право, – тихо похихикивая ответила, очевидно, пожилая женщина...

– Смотри, тепа, – академик Пророков. Да, да, мне папа говорил.

– Ну где очки, где очки... – слезливый от расстройства полудетский голос...

Неверов делал вид, что ничего не слышит, а в душе его перемежались гордость, недоумение и досада. Действительно, подумать только, он – Иван Неверов – почти легендарная личность... Когда же с пивом Неверов повернулся от прилавка, то чуть было не сшиб ту девчушку,

которая забыла очки: щурясь, она на цыпочках тянулась к Неверову. Он лукаво подмигнул ей и, склонившись, тихо сказал:

– Заколдую.

Девчушка встала на полную ступню и тоже тихо спросила:

– А правда, что вы – Пророков?

– Точно, – ответил без улыбки Неверов. – А вы?

– Я?! Цукерман Эмилия...

– Тихо, – настороженно остановил Неверов. – Кланяйтесь Адлеру Самуиловичу. Тсс-с. – Неверов приложил палец к губам и отошел в сторону, чтобы наконец утолить жажду...

Как машина новой марки магнетически притягивает к себе автолюбителя, вот так и море влекло к себе Неверова. Нет, плавал он безобразно плохо – «топориком», как в шутку определил стиль его плавания Ткачик. Море влекло работой, непонятностью своего механизма.

Вечерние прогулки по берегу становились затяжными и безмолвными: то он часами смотрел в морскую бескрайность, то дотемна следил за накатом волны. А однажды, во время небольшого шторма, Неверов вдруг поднял кривую гладкую палку, швырнул ее в волны и, следя за ней, рукой нетерпеливо заповхватывал воздух. Догадливая Ева тотчас вложила ему в руку другую, подобную палку. И эта полетела в волны... Вскоре хотя и редкие любители предштормовых прогулок наблюдали прелюбопытную сцену: Ева и Ткачик бегали по полосе прибоя, собирали кору и палки, а Неверов все это восторженно бросал в море. Волны швыряли поплавки, а он, похлопывая кулаком в ладонь, бормотал:

– Вот они, вот они, милые, вот они...

Наконец как будто устало Неверов сел на подбиваемый волной песок и засмеялся. К нему тотчас скакнула Ева, обвила шею и вовсе свалила на мокрый песок. Он восторженно начал целовать ее... Ткачик, вытирая носовым платком перепачканные руки, добродушно усмехался, а сконфуженные болельщики поспешили разойтись.

Именно после этого случая Неверов замкнулся. Теперь он вновь и Еву не замечал, и посторонних – тем более. А несколько дней спустя пригласил Ткачика и изумил его, сообщив, что через час они отправляются в Москву. Еве Неверов велел оставаться на море. Так и закончился его двухнедельный отдых.

21

Хам не удивился столь скорому возвращению Неверова. Более того, если бы Неверов внимательно присмотрелся или прислушался, то мог бы без труда понять, что Хам прямо предупрежден и с часу на час поджидал его.

После неуютной дождливой дороги Неверов окунулся в приготовленный рай: теплая сухая квартира, теплые из тигровой шкуры домашние туфли, легкая и теплая пижама верблюжьей шерсти и мирный огонь в камине, не говоря уже о том, что через минуту был накрыт стол с обедом.

– Ах, мой академик, мой президент, я все это предвидел! Неужели вы надеялись усидеть там – среди тунейдцев? О нет! – и двух недель много. Да и кто без меня и кроме меня сможет организовать отдых?! – Хам самодовольно ухмыльнулся.

– Карл! – вскрикнул ворон, уже разместившись на плече Неверова.

– Карл. Ишь, выскочка. Карл, – передразнил Хам, но уже тотчас благодушно согласился: – Да, Карлуша, да, пожалуй, ты смог бы. Ты долго живешь, много знаешь... О мой президент, если бы вместо той бесовки поехал я! – Хам мечтательно закатил глазки. – Я открыл бы вам кавказские Альпы, я открыл бы вам тайны субтропического побережья, ваши путевочные сорок восемь дней промелькнули бы как один. Но, увы нам, этот вариант мы воспроизведем в будущем, ну, скажем, когда Ткачики откочуют от нас...

– Да, да, – рассеянно согласился Неверов.

– Тогда-то мы побываем в гостях у Прометея, у благородного жулика, мы перед ним в долгу, мы отнесем ему цветы...

– Да, да, – все так же повторил он. – Кстати, почта есть? Я жду кое-что из Цюриха и Кембриджа.

– О, есть, мой президент, имеется – все в сейфике.

Хам выложил из сейфика на стол стопку конвертов и бандеролек под плотными сургучными печатями. Неверов надел очки и, не отрываясь от кофе, взялся за письма. Он тотчас красным или синим карандашом делал на письмах пометки, всякий раз сопровождая их неясными репликами:

– Да, да, хорошо, отлично... Ну, ну, ну, где ваши головы, господа...

Несколько писем он распечатал, но не прочел. Снял очки и, точно извиняясь, сказал:

– Из Сорбонны. Люблю Сорбонну, люблю тамошних ученых, а вот язык никак, не люблю или не одолею.

Хам кокетливо склонил кабачок.

– И я, уж признаться, тоже не люблю этих лягушатников. А вот язык – люблю. О, мсье, в Париже такие женщины! Не знаю слаще музыки словесной, чем *liberte, egalite, fraternite*... Вы позволите? – Хам потянулся к письмам.

– Да, да, сделай одолжение, тотчас и переводы, но строго по кальке.

Ничего особенного не сообщалось. Заинтересовался Неверов лишь кратко изложенным случаем с некоторыми догадками ученого.

На высоте двух тысяч метров взорвался самолет с пассажирами. Погибли все, и только пятнадцатилетняя девочка в бессознательном состоянии благополучно приземлилась, даже не получив серьезного ушиба... Что это? Планирование на взрывной волне? Слишком примитивно и даже теоретически маловероятно. Что же это? Именно так поставил вопрос французский коллега и начал с выдвижения всех вероятных и невероятных предположений. Затем он произвел группировку, затем – отсеивание. Осталось несколько научно-фантастических гипотез.

На мгновение задумавшись, Неверов и эти гипотезы перечеркнул и тут же по тексту написал: «Девочка оказалась внутри энергетического поля».

– Ах, если бы знать скорость ее падения, – с огорчением подумал вслух Неверов... Он сгреб письма и брошюры, и вместе с Карлом они ушли в кабинет. Хам скоренько приготовил свежий кофе, несколько бутербродов покрыл ломтиками семги, распечатал пачку сигарет и все это на небольшом серебряном подносыке отнес на стол Неверову...

Прошло не менее часа, когда наконец Неверов отвлекся от чтения, поднялся из-за стола и закурил.

– Вот так, Карл Хамович, – пробормотал он, сунул в клюв Карлу раскуренную сигарету, сам закурил новую; зажег спиртовку подогреть кофе и начал сортировать почту, заполнять новые карточки для картотеки.

Кофе шумел, Карл, докурив сигарету, бросил окурочок в пепельницу, дернул шнурок – открыл вытяжку – и вновь нахохлился, задремал.

Прошло еще с полчаса. Неверов сначала отодвинул брошюру, а затем раздраженно отбросил ее на другой стол. С минуту помедлив, он пошел по кабинету. И стоило ему заговорить вслух, Карл тотчас встрепенулся, резко дернул другой шнурок – отчетливо щелкнул включатель магнитофона.

Иногда Неверов останавливался посреди кабинета или возле стола и, раскачиваясь всем туловищем, говорил с несвойственной ему механичностью:

– ...но если даже исходить из элементарного закона сохранения энергии, то и тогда мы неминуемо приходим к тем же выводам. Нельзя рассматривать Землю с ее законами в отрыве не только от Солнечной системы, но и от других систем мирового пространства... Движение космических тел, смещение и распад, излучение и миграция – все это не что иное, как датчики энергии, поставщики среды... Естественно, часть энергии, трансформируясь, входит в обратный процесс и не подлежит эвакуации, за счет чего и поддерживается порядок во вселенной, за счет чего и происходит «дыхание» или жизнь вселенной. В пространстве нет и не может быть вакуума, пространство или среда заполнена океанами блуждающей или омывающей энергии с массой полярных макроэнергетических полей, принцип взаимодействия которых уже испытывается в модели... Когда-то открытие электричества изменило жизнь людей – качественный скачок. За сто лет человечество одолело путь, равный тысячам предшествующих лет. Я утверждаю, что уже мы с вами, господа и товарищи, можем стать свидетелями такого открытия, в сравнении с которым воздействие на общество электрической энергии может быть приравнено к нулю. Мы сжигаем топливные и сырьевые ресурсы, разрушаем гармонию собственной среды, а вокруг нас несметные запасы абсолютной универсальной энергии. Незначительным, но все же подтверждением сказанному может служить наша установка. Нет, это не перпетуум-мобиле, не вечный источник энергии, но ведь даже сто – двести лет для человека – вечность... Вот что мы уже имеем на сегодняшний день. Нет, мы не схоласты, не алхимики, мы даже не с пустыми руками! – последнее Неверов выкрикнул. О, как счастлив тот, кто пережил минуты творческого восторга! – Кроме догадок, кроме всего, – упрямо и вдохновенно продолжал он, – имеются открытые и применяемые ныне восполнители... – Неверов усмехнулся: – Небывалое, практика готова опередить теорию...

И – в который уже раз! – мелкими убористыми цифрами и знаками он начал записывать сложные вычислительные комбинации, правда, для него все эти знаки и цифры были как алфавит, как таблица умножения. В упоении без передышки он исписал два листа машинописной бумаги и наконец поставил точку... Вот это главное, вот это все, что сделано после Скобелева. Вот этих двух страниц хватило, чтобы стать действительным членом Академии наук. И это первое доказательство, первое подтверждение будущей теории геокосмической энергетики... Неверов отбросил на стол ручку, откинулся на спинку полумягкого креслица, прикрыл глаза, чувствуя, как тугими волнами накатываются новые и новые мысли-доказательства...

Он не сразу понял, что происходит, но уже осознал: что-то произошло или в процессе. Настороженный Карл поддел и прихватил в клюв две покрытые цифрами и знаками страницы, присел, напряжился и в то время, когда Неверов открыл глаза, резко оттолкнулся от стола, взмахнул крыльями и взлетел. Ничего особенного, но на Неверова так и навалилась тревога, граничащая со страхом. Он резко поднялся, отшвырнул креслице, а Карл в это время с полного лета ударил башкой дверь – раздался звук, как если бы увесистым кулаком врезать в филенку, – дверь открылась. Карл вылетел в гостиную-кабинет, и не успел Неверов ринуться следом, как раздался второй, более мощный удар – Карл пикировал дверь в столовую. В два прыжка Неверов оказался в смежном кабинете, еще бы два – и он в столовой, но от стеллажа под ноги лукаво скользнула лестница-стремянка. Неверов в полный рост упал через стремянку, неловко повернув руку. Пока он высвобождался из стремянки, пока поднимался и наконец выскочил в столовую – бледный, с перекошенным от гнева и боли лицом, Карл, нахохлившись, безвинно сидел над камином. В камине догорали березовые полешки, на кухне за прикрытой дверью Хам надтреснутым дискантиком напевал:

– Этот идол зо-о-лотой...

На какую-то долю времени Неверов оцепенел, но уже тотчас выкрикнув:

– Где расчеты, паршивец?! – ринулся к Карлу. Но Карл, огненно сверкнув глазом, перемахнул на открытую дверь – и там безразлично нахохлился. Неверов под стол, под кресла – нет. – Где расчеты, дрянь?! – Пьянея от гнева, он схватил с ноги тигровый башмак и швырнул в Карла, будто на двери сидел не ворон, а вор, человеку подобный.

Карл тревожно вскрикнул и рухнул на пол. За происходящим из открытой двери наблюдал Хам. Он скептически усмехнулся и холодно произнес:

– А ведь это птица, Иван Андреевич, беспомощная тварь, можно ли так.

– Он утащил листы, расчеты, важные документы!

– Ну какие листы, какие расчеты, какие документы, – морщась, возразил Хам. – Ну где, какие листы? – Он поднял птицу за концы крыльев, башка Карла безжизненно побалтывалась. – Какие листы? – И чтобы с глаз долой, Хам убрал Карла на подоконник за штору.

Они вместе тщательно осмотрели столовую – нет. Тогда Хам попросил для эксперимента два подобных чистых листа.

– Итак, схватил, – прищипнув пальчиками листы, Хам репетировал – летит, – и заскакал по-вороньи от двери к камину, – сел, и все – раскрыл пасть. – Хам разжал пальчики: листы качнулись, падая за решетку, но тотчас их подхватило тягой – листы взметнулись к дымоходу вверх и – как будто потяжелели – упали на жар и пламя, вспыхнули, почернели и испепелились. – И все тут, – подвел итог Хам и отряхнул ладошку ладошкой.

Хмурясь, Неверов сел. Нервно усмехнулся, поморщился, трогая ушибленную руку. Но морщился он, скорее, для того, чтобы отвлечь себя от только что случившегося, – ему было стыдно, что он так переполошился и даже убил в общем-то милую птицу.

Хам снисходительно с укором покачивал головой. А Карл, высунув из-за шторы башку, огненно-красным глазом наблюдал за обоими.

Ворон остался невредимым, но с того дня он уже не признавал Неверова и даже не появлялся в столовой, постоянно поселившись в комнатах Хама.

* * *

Прошла неделя домашнего труда, и Неверов понял, что дольше оставаться в изоляции он не может: необходима была не только среда, необходимы были сведения опытов и анализов, необходимы были черновые расчеты, необходим был вычислительный центр, необходим был институт с его естественной вдумчивостью.

Атмосфера в институте изменилась, всюду только и слышалось: Шлакбаумов – легион ученых теперь был подчинен генеральному конструктору УП-1.

– Товарищ Пророков, вы ли это?! – воскликнул при встрече юркий Шлакбаумов. – А я-то завидую – коллега принимает морские ванны!

– Удрал, – коротко признался Неверов – и тотчас: – Как дела?

– Какие дела? – Шлакбаумов вопросительно вскинул голову.

– Наши дела.

– Э, Иван Андреевич, теперь *наших* нет. Тандем распался: теперь ваши и наши.

– Понятно, да, да, возможно, пора, – без проминки согласился Неверов. – Что ж, тогда как ваши дела?

– А что наши? – Шлакбаумов снял очки и, щурясь, втянул голову в плечи. – Как говорят спортивные комментаторы: дело техники. Человека можно слепить из глины, а вот душу в него вдохнуть... Вы, Иван Андреевич, вдохатель, вы вдохнули, а мы, увы, только дифференцируем, извлекаем модели.

Неверов улыбнулся, чуть склонил голову набок:

– Как это вы сказали, как?

– Материализуем, перевоплощаем, говорю, ваши идеи. Это, бесспорно, так, вроде бы и шутка, но, однако, не лишенная определенного смысла. А что?

– Да нет, ничего... показалось, слышал я от кого-то нечто подобное.

На том и разошлись. Но оставался в душе тревожный осадок.

* * *

А вскоре грянул и гром на голову.

За рубежом внезапно и категорично заговорили о практическом применении самовосполняющегося источника энергии Пророкова. Сомнений не было: основные данные открытия попали в чужие руки.

Неверов оказался в новой изоляции... Однако уже вскоре он поверил в народную мудрость: нет худа без добра. Освободившись от сверхважных спешных проблем, он как будто воскрес. Началась работа для души, так позднее охарактеризовал этот период сам Неверов.

Теперь в «Волге» они ездили вдвоем с Таричаном.

22

«Да, да, именно так и было», – подумал Неверов и даже повторил вслух:

– Так и было.

Подумать только, как же все меняется и за короткое время жизни... Все так и было. А каким плодотворным оказался тот беспокойный год! Первое открытие поля...

Послышалось гроыхание ведер, раз-другой глухо стукнула дверь.

– Это вы, Платоновна?! – окликнул Неверов, возвращаясь к копиям архивных документов.

– А то кто еще, больше-то, чай, и некому, – отозвалась Платоновна, сухощавая и даже крепкая пожилая женщина. – Андреич, чтой-то нам обстановку не везут?

– Привезут, Платоновна, к концу недели все привезут, – с усмешкой ответил Неверов и начал вскрывать вторую бандерольку...

Два года прошло, как после тяжелой болезни вдруг он увлекся родословной. Дело оказалось любопытным, а главное – доступным. Звание академика со столь звучными приложениями, как четырежды лауреат Государственной премии и трижды Герой Социалистического Труда, – устраняло любые помехи. Работники архивов, музеев и прочих справочных служб и учреждений добросовестно отвечали на любые запросы. А из областного архивного хранилища даже привезли подлинные писцовые и церковные книги села Сущево. Из всего исподволь и восстанавливалась хроника рода Неверовых.

Пятеро Неверовых были удостоены упоминания в «молекулярно-булавочной» летописи села Сущево.

Из личных записей церковнослужителя за 1652 год:

«Летось на селе объявился чужой отрок по прозвищу Вадим. Тать – не тать, отступник – не отступник, козак – не козак, аки язычник блудит по вдовам. Призвал к ответу. Кто таков? И чьего роду племени? Роду, баит, православного, а племени – не упомяну. Прозываюсь Вадимом Веровым. Какой же ты, плут, Веров, ты есть чистый невер и сукин сын. Блуд сеешь... На то время занемог звонарь, и чтобы к делу был причастен, повелел отроку пономарить и служить исправно. – И еще нашлась запись, но уже в церковной книге: – Вадим, по прозвищу Неверов, звонарь милостью Божией. И рукама, и ногама за била подергивал, чем и превзошел всех в округе. Тридцать лет ублажал прихожан неповторимым звоном. Волею Божией преставился Генваря 1683 года по Р.Х.»

«Странно, – думал Неверов, – откуда явился этот «отрок Веров»? Хотя бесспорно, что с этого самого Вадима и начались Неверовы».

Вторым удостоенным был Алексей Неверов-Голый. Голым его прозвали за то, что первым появился он в Сущеве бритым – безбородым и безусым. Более того, стал он первым агитатором-брадобреем. Агитировал так, что дошло письменное свидетельство: «Творил бесчинства, овечьими ножницами сонным мужикам бороды резал». Но то было уже позже, до агитаторства Алексей Неверов отличился на царской службе. Сначала он оказался в кораблестроителях на Чернореченских верфях, где настолько отличался смекалкой и мастерством, что был обласкан самим Апраксиным. Принимал участие Алексей Неверов в морских и наземных сражениях, и в ратном деле неизменно отличался, и быть бы ему знатным героем петровских батальонов, да случай помешал. Взорвался пороховой погребок, а Неверов при том погребке в карауле находился. Жив остался, но лишился правой ноги. Так на деревяшке и скакал до 85 лет. Именно после ранения, когда герой возвратился в Сущево, он и возмутился тем, что в его

дому порядка нету. Мужики-то с бородами живут. Ну и взялся за агитацию. Другого бы порешили за такую дерзость, но не Голого – героя-страдальца с царскими почетными грамотами.

Третьим, и наиболее интересным, по мнению Неверова, был Аникита Неверов, прозванный Звездочетом. «Отрок сей зело умен, а потому пресечь надобно, ибо от веры отобьется», – коротко зарегистрировал сущевский «летописец». И, видимо, пресекали, и, видимо, пресекли, но до поры, видимо, немало было хлопот с Аникитой. Еще ребенком постиг он грамоту, а подростком решил бежать в Питер к Ломоносову, не подозревал того, что Ломоносова давно уже нет в живых. Он таки добрался до Питера, где, увы, попал не к Ломоносову, а в типографию журналиста Новикова. За три года Аникита преуспел не только в наборном деле, но и в науке. Тогда же юноша и решил посвятить себя делу освобождения народа от невежества и непросвещенности. Положив на алтарь благоденствия клятву свою, был принят в просветительскую ложу масонов. Но после немилости императрицы, когда Новиков временно был изолирован от православных, молодого Аникиту административно препроводили в Сущеву...

Четвертый был уже вовсе близкий предок – прадед Неверова. Прадед мало бы заинтересовал, ибо был он не кто иной, как сущевский поп, священник о. Георгий. Но когда Неверов перелистывал церковные книги, он даже вздрогнул: в выцветшем, еле приметном письме узнал он свою руку, свой почерк. Он даже вспотел от напряжения, перечитывая крестины, венчания и регистрации смерти сущевских аборигенов. Да, бесспорно, это его рука... Не может же это быть только случайностью. Приходилось сталкиваться с тысячами посторонних почерков, но ни в одном не было такого родства. Неужели такова генеалогическая или генетическая протяженность, ведь прадед Георгий родился в один год с Гоголем? Так неужели уже тогда рождался Иван Неверов? Неужели в академике Пророкове живет священник о. Георгий? Ведь для одного в небе был Бог, а для другого Бог – энергия.

– Наследственная связь возможна и закономерна, а проявиться она может даже в почерке, – выслушав, согласился доктор Вишняков. – Но и вовсе, казалось бы, случайное поражает нас нередко, хотя бы двойники – в разных концах планеты, без условной родственной связи. А ведь некоторые из исторических двойников рождались и умирали почти одновременно... И опять же, элементарный пример: рождается ребенок, не похож ни на отца, ни на мать. Вдруг выясняется – копия дедушки, а то и прадедушки...

Но и этот разговор не уклонил Неверова от прадеда, напротив, после беседы с Вишняковым он понял, что все примеры и аналогии сами собой укладываются в теорию геокосмической энергетики.

Не есть ли мы нечто абсолютное, лишь разграниченное средой, пространством и временем – как двойники? Если согласиться, что человек не что иное, как комплекс элементарных частиц или микромодель системы, а размножение – лишь биохимическая реакция, соединение и распад, то, возможно, энергетическая среда исключает пространственные и временные барьеры. Легенда гласит: Бог создал человека по Своему образу и подобию. Не есть ли мы – подобие космического? Если в различных концах планеты в один день рождаются двойники, которые независимо от их воли и желания взаимосвязаны настолько, что и кончают они как сиамские близнецы с незначительной разницей во времени, так почему бы не быть подобной паре в пространстве? Мы знаем скорость света, скорости движения элементарных частиц в момент реакции, но мы не знаем мер энергетической среды. Необходимы опыты...

Неверов уходил в космические прогулки.

Дед Федор Георгиевич по воле отца был определен в духовную семинарию. Однако церковным служителем он не стал, а прожил жизнь строителем. По сегодняшним нормам дед был инженером-архитектором, а по прежним – просто строителем. Неверов даже огорчился, что так мало сведений о деде, но на помощь явился Зозуля. Явился Зозуля во время второго приезда Неверова, когда он с трудом приобретал родовое место, где когда-то стоял дом Неверовых. «Когда-то стоял» – потому, что от старого дома сохранялась одна четвертая часть с

покатом крыши на одну сторону – как скворешник. В этом гнилом скворешнике и жила в прошлом уважаемая колхозница. Уже под старость ее собственный дом сгорел, поэтому ей правление колхоза и выделило остатки дома Неверовых, колхозного дома. Когда же невесть откуда появился Неверов, то старуха никак не могла понять, что от нее требует этот человек. То есть она понимала, что человек желает купить принадлежащую ей скворешню, но как, что, зачем, для какой надобности – понять не могла, а может быть – не хотела. Поэтому ко времени и подоспел Зозуля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.